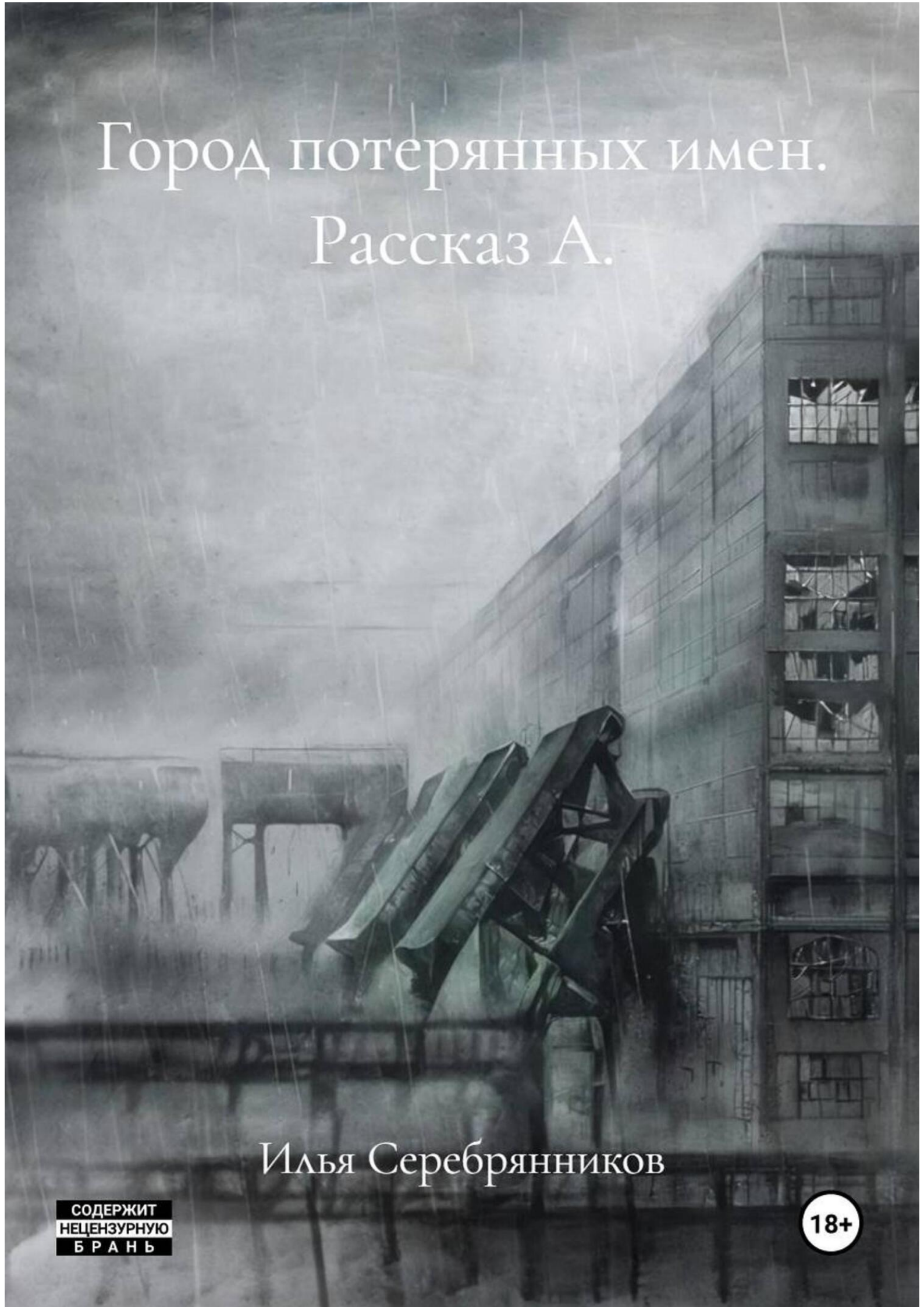

Город потерянных имен.

Рассказ А.

Илья Серебрянников

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Серебрянников

**Город потерянных
имен. Рассказ А.**

«Автор»

2025

Серебрянников И.

Город потерянных имен. Рассказ А. / И. Серебрянников —
«Автор», 2025

В городе потерянных имен убивают молодых девушек. Частный детектив, жена которого пропала без вести пять лет назад, помогает полиции отыскать серийного убийцу и предотвратить очередное ужасное преступление. По мере расследования он понимает, что всё в этой жизни связано невидимыми нитями. Репортёры тем временем подогревают обстановку накануне выборов мэра – на кону власть над городом. Поимка маньяка становится инструментом политической игры. Заботят ли кого-то из них жизни невинных? Кого ещё скрывают мрачные улицы за стеной дождя?

© Серебрянников И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Четвёртое апреля	5
Глава 2. Пятое апреля	17
Глава 3. Шестое апреля	33
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Илья Серебрянников

Город потерянных имен. Рассказ А.

Часть 1

Глава 1. Четвёртое апреля

Я никогда не был моногамным, честно говоря, как это возможно? Разве не врут они сами себе, или это со мной что-то не так? Удивительно, что, дожив почти до сорока лет, я не нашёл человека, с которым об этом можно было бы откровенно поговорить. Мимо проходит симпатичная девушка, мне достаточно нескольких мгновений, мимолётного взгляда – желание появляется само. И сколько таких женщин я могу встретить, просто прогулявшись по улице в середине дня, уже молчу о центре города вечером в выходной, когда красота заливает улицы, а пьяная темнота выгодным образом скрывает недостатки. Желание вспыхивает, словно маленький жгучий огонёк в груди и в животе.

Сколько раз я занимался сексом в этом месяце? Ни разу. А сколько раз я делал это в мыслях? Всё-таки, почти уверен, что я среднестатистический мужчина, и во всём этом нет никакой проблемы – здоровое либидо, член ещё на месте. Но если так происходит с нормальным мной или нормальным тобой, то как это происходит у тех, кто не в порядке, чьи настройки сбиты в сторону гораздо большей похоти, сексуальной неудовлетворенности, комплексов и психологических проблем, тянущихся из раннего детства. Не пытаюсь сочувствовать или как-то их оправдать, но мог ли я мысленно не переспать с семнадцатилетней кассиршей в кофейне, которая сегодня утром подала мне горячий чай?

Все эти тридцать семь лет я шёл к этой чертовой кофейне за этим слишком горячим чаем, чтобы захотеть её в страстном порыве мысли, впрочем, так же быстро сдуваемым ветром улицы. Разница, несомненно, есть: здравствуйте, как мило, как желанно, до свидания, всё забыто. А он вышел с жгучим следом внутри, никакой ветер, никакие запахи, ничто теперь не сотрёт из его воспоминаний это милое создание. Да, он, как и я, шёл к этому всю свою жизнь, и, как и я, не мог иначе. Или мог? А теперь её фотография у меня на столе, вместе с ещё тремя такими же. Хотя о чём я – все они совершенно разные, но в то же время обладающие схожими чертами, и речь не про те, что заметны всем: молодость, красота, задор в глазах и светлые волосы, а менее очевидные, известные лишь ему. Смогу ли определить я эту неизвестную величину? Кажется, одних фотографий недостаточно, пора прогуляться.

На улице было всё ещё холодно, апрель только начался. Солнце светит весьма робко, хоть и количество ясных дней значительно увеличилось – я не люблю это время года. И вовсе не за плохую местами погоду, что-то внутри меня скребётся, вызывая бесконтрольно тоскливое состояние, душу наполняет ощущение потерянности, так было всегда, даже до того, как я потерял жену.

Мимо проходит мужчина с сигаретой, глядя на него, тоже хочу покурить, но отбрасываю эти мысли. Две из них курили, две другие нет. Темнеет, витрины освещают путь, наверное, многим знакомо это ощущение уюта и теплоты за ними, стоит только протянуть руку, звякнет колокольчик, ты укроешься от надвигающейся ночи, здесь тепло и безопасно. Когда она уходила с работы было уже темно, страшно ли ей было каждую смену оставаться один на один с ночью? Она выключала свет, закрывала дверь, немного озираясь по сторонам, может быть, чувствовала его взгляд? Ей было не по себе, она торопилась домой, чёртовы наушники

и песни группы «MXMS»¹ или, может быть, чего-то более раннего, «Radiohead»²? Могла ли семнадцатилетняя девушка слушать «Radiohead»? Слышала ли она приближающиеся шаги в паузах между песнями?

Никогда не знаешь, последнюю ли песню слушаешь в жизни. А если бы я знал, что выбрал? «Losing My Religion»³? Или сразу к дьяволу из репертуара, мать его, «Marilyn Manson»⁴? А если он стоял, так же, как я, за окном и наблюдал? Ему очень хотелось сблизиться с ней, но их разделяло не только стекло, но и бездна его чёрных мыслей. Камер не было, и почему на этой улице нет камер? Я осмотрелся: девочка пятнадцати лет взяла кофе, прошла мимо и скрылась в темноте парка на другой стороне дороги. Несколько человек поодаль просто шли по своим делам, никто, кажется, не обращал внимания ни на меня, ни на неё. Я сделал шаг вслед, но остановился, и так понятно: мне ничего не стоит пойти за ней и остаться незамеченным – просто очередная тёмная фигура. Сколько подобных описаний свидетелей приходится читать в материалах дела – собирательные образы мистера «Никто» без имени и отличительных черт. Это ничего не доказывает, не объясняет, не будем пугать девочку. Я развернулся в пол-оборота и пошёл прочь.

Нужно внимательнее перечитать её переписку с подругой, последние дни – все детали важны. В эти моменты вселенная словно кристаллизуется, даже нечто незначительное приобретает смысл. Есть ли там намёк на его следы? Или всё прошло бесследно, и не было никаких пугающих шагов за спиной в паузах между песнями? Я мысленно восстанавливаю картину последних дней: сначала всё выглядит, как набор фотографий, отрывистых, вырванных из общего контекста. А в чём этот общий контекст? Эти картинки не обязаны составлять одну стройную картину – это обычная жизнь, не закрученный сюжет триллера. Контекст появляется позже, в ретроспективе, главная задача – отделить мои собственные домыслы от реальности, склеить эти кадры в правдивый откровенный эпизод, дающий ответы на правильные вопросы. Почему она? И есть ли он на этих снимках, ставших небольшим авторским фильмом с печальной концовкой, его отражение или, если угодно, его тень.

Город вокруг постепенно меркнет, я начинаю чувствовать запах кофе, бесконечный поток посетителей, улыбки, пожелания хорошего дня – мне скучно, а ей? Нравилась ли девушке работа? Родители присылали достаточное количество денег: хватало на съём квартиры, оплату счетов, отдых с друзьями, поездку на пляж хотя бы раз в год после летней сессии. Так ли нам нужна эта работа? Можно ведь писать стихи, рисовать небольшие забавные скетчи, которые так нравятся Маше. Это моя подруга – однокурсница. Мы с ней обожаем брать бутылку вина и в редкий выходной от работы и учёбы, забравшись под плед, смотреть дорамы, а потом до двух часов ночи обсуждать планы на будущее или их с парнем проблемы. Я сейчас одна, поэтому немного завидую Маше, хоть они и часто ссорятся. Мне нравится один парень из параллельной группы, но об этом никто не знает, даже подруга – только мой дневник. Я начала его вести с прошлой осени, после расставания с... не хочу это вспоминать. Нравится ли вам собственное отражение в зеркале? Мне нет, я ненавижу свой большой нос и тонкие губы. Маша часто говорит о внешности, собирается сделать пластику, а мне страшно. Это же касается и татуировок. Правда, однажды мы с ней напились и поклялись сделать маленькие татуировки с заглавными буквами наших имён, как некоторые парочки. А потом они жалеют, расставшись через полгода. Чистая глупость, никогда не решусь!

¹ Американская группа, исполняющая музыку в жанрах пост-панк и гот.

² Британская рок-группа, стиль традиционно определяют, как альтернативный рок.

³ Песня американской рок-группы «REM», выпущенная в 1991 году в качестве основного сингла альбома «Out of Time» в жанре альтернативный рок. В 2017 году сингл был включён в Зал славы премии «Грэмми».

⁴ Американская рок-группа, основанная Мэрилином Мэнсоном, исполняющая музыку в жанрах индастриал-рок, индастриал-метал, альтернативный метал, шок-рок, ню-метал, готик-рок и других.

Громкий гул клаксона отрывает меня от размышлений. На душе остались тёплые ощущения, но они быстро тают под гнётом других воспоминаний. Находясь на улице, трудно сконцентрироваться и легко угодить под машину. Возвращаться домой я не хотел, ноги сами направили в бар, в будний день там не так много народа, найдётся укромный уголок. По дороге я думал, какие детали смогу добавить к этой истории, развернутой на стене в кабинете, который когда-то давно был светлой гостиной. К панораме преступлений против четырёх молодых девушек, найденных мёртвыми в четырех разных скверах и парках, бережно уложенных, с причёсанными волосами, расправленной после непродолжительной борьбы одеждой и закрытыми словно во сне глазами. Эти запоминающиеся, но холодные образы, слишком глубоко отпечатались у меня в голове, я смотрел на них каждый день на протяжении недели с тех пор, как дела начали связывать воедино. Они следовали за мной, куда бы я не пошёл. Первичный гнев при взгляде на них ушёл, сменившись глубокой тоской. Признаюсь, что уже трижды за этот короткий промежуток времени, что веду это дело, я видел сон, как О. лежит в той же позе в тихом саду нашего никогда не существовавшего дома. Под яблоней, возле скамейки, я сидел рядом и смотрел на неё, меня переполняло желание прикоснуться к ней, схватить за плечи, разбудить, но внутри всё сжималось от ужаса, я понимал – она мертва. О. была на расстоянии вытянутой руки, но одновременно бесконечно далеко, словно в другой галактике. Где та червоточина, что приведет меня к тебе?

На улице Святой Елены, я проходил мимо церкви, на ступеньках которой, прислонившись к холодному мрамору лестницы, сидел бездомный. Перед ним стоял широкий пустой пластиковый стакан, мужчина спал. На нём была старая рваная синяя шапка моряка, повидавшая виды, как и её носитель. Его заросшее рябое лицо на запрокинутой голове было продолжением грубого камня лестницы. После наступления темноты стало особенно холодно, я нагнулся к нему и слегка потрепал по плечу. Его тяжелые веки с трудом приподнялись, он был явно недоволен, из каких морских путешествий бурной молодости его выдернули?

– Чего надо?! – недовольно пробурчал мужик.

– Холодно, здесь при церкви есть ночлежка, – ответил я.

– Знаю, сейчас пьяные по домам пойдут, денег принесут, – ухмыльнулся он однозубой улыбкой.

– Хорошо, – улыбнулся я в ответ и протянул ему двести рублей, что обнаружили во внутреннем кармане пальто.

– Попутного ветра, товарищ! – благодарственно прорычал бездомный.

* * *

Бар был за углом, нужно было торопиться, не выпить, а собраться с мыслями, каждое мгновение – песчинка в часах следующей юной девушки. Хотя мой бывший психолог и убеждал меня, что я не могу нести ответственность за всех и каждого, что я не должен пропускать через себя страдания рода человеческого, но, оглядываясь по сторонам, вдыхая воздух, ступая по разбитому асфальту, ощущаю себя частью происходящего – окружение проникает в меня, а я растворяюсь в нём.

Скрип двери, кивок знакомому бармену, удобный угловой столик, свет старого светильника. В заведении было тихо, всего пара человек, то что нужно. Я заказал пинту тёмного пива, всегда начинал с него, переходя к лагеру уже со второго стакана, на котором и заканчивал в удачные дни, но в плохие дни затем следовал двойной виски, лёд отдельно. Тихонько заиграл «Pink Turns Blue»⁵, песня «So Why Not Save the World»⁶ – это не показалось мне совпадением,

⁵ Немецкая пост-панк-группа из Берлина.

⁶ Песня, выпущенная «Pink Turns Blue» в 2021 году в рамках альбома «Tainted». Перевод названия: «Так почему бы не спасти Мир».

я перестал удивляться таким хитросплетениям мироздания, полутонам, намёкам и незримым связям. Но это грустная история, потому что, как и в стрип-клубе, смотри, но не трогай. Понять закономерности, вскрыть этот код, пока что никому не подвластно – буддийский монах в горном монастыре ухмыльнулся однозубой улыбкой старого пройдохи.

Достав телефон, набрал сообщение М.: «Мне нужны видеозаписи из кофейни и как можно быстрее!». Ответа не последовало. Убийца, очевидно, умеет ждать, хоть и желание, подпитываемое неуёмной фантазией, нарастает со временем. Чаша переполняется, и он действует, но делает всё по заранее продуманной схеме, несмотря на бурю эмоций внутри. Х. – так его зову, пока не станет известно настоящее имя, может показаться хладнокровным психопатом, который не оставил полиции ни одного следа, но это не так. Я не отношу его к тому типу серийных убийц, которые лишены эмпатии, отнюдь, он любит своих жертв, вероятно сожалеет о случившемся сразу после того, как их дыхание прерывается. Странно, что не нашли следы ДНК, оставленные его слезами. Я отчётливо вижу, как он плачет, стоя на коленях и разглаживая волосы руками в кожаных перчатках, но этого ему недостаточно. Он достаёт принесенную с собой расчёску и создаёт тот образ, который преследует его.

Я открыл переписку жертвы с подругой Машей. В сообщениях ничего: ни странных посетителей, ни тёмных stalkers в парке по дороге домой с работы, ни даже мрачных мыслей, намекающих на грядущее. Затем я открываю многочисленные фото дневника убитой – она единственная из покойных девушек, кто вела дневник и делала это весьма усердно. Она не знала убийцу. Между девушками мало точек соприкосновения. Самое главное, в чём они похожи друг на друга – это внешность: светлые волосы до плеч, зелёные или голубые глаза, стройные, невысокого роста. На них приятно смотреть, представляю, что вживую они ещё приятнее – эта мысль вызывает резкие контрастирующие горькие ощущения, я словно зашёл на поминки и опрокинул вазу в гостиной, полной скорбящих людей. Девушки учились и работали в разных местах, жили в разных районах, у них не было общих друзей, разные парикмахерские, секции плавания, беговые дорожки в парках, интернет-провайдеры. Ты ищешь их в соцсетях или просто бродишь по городу в поисках своего идеала? Новое сообщение для М.: «Что насчёт социальных сетей? Айтишники должны были уже отыскать схожие ip-адреса посетителей их страниц». Доставлено, но снова без ответа.

Я заказал второе пиво. Телефон завибрировал, но это был не М., писала Света: «Дома? Нужно увидеться». Я не хотел отвечать, понимая, что может дальше последовать. Это было не впервой, поздние сообщения или звонки. Сам не понимаю, почему за эти пять лет, с того момента, как пропала О., так и не перестал общаться со Светой. Они были близкими подругами с детства, я всегда удивлялся, как им удалось пронести сквозь все эти годы, мужей и детей в случае Светы, свою весьма трепетную дружбу. Больше такого я не встречал, впрочем, у меня никогда не было слишком много друзей. С мужем Светы мы всегда терпели друг друга, хотя и не считаю его плохим человеком. Мне просто не о чем было с ним разговаривать, как бы я ни пытался найти точки соприкосновения. Иногда кажется, что с каждым человеком можно найти общий язык, можно пробиться к нему, раскрыть его характер или душу. Но это не так, некоторые люди, как бы высокомерно это не прозвучало, словно пустые болванчики, зажатые в своей форме, рефлексирова, движутся по заданной траектории. И твоему разуму не за что зацепиться, в попытке установить связь. Света же, в отличие от своего мужа, была более живой и неординарной. Она задавала вопросы жизни, искала на них ответы, анализировала, была достаточно эмпатичной, чтобы поддерживать отношения не только на интеллектуальном, но и эмоциональном уровне. Но самое главное – непосредственность, наиболее привлекательное качество, пожалуй, в любом человеке. Вы спросите, почему она была с ним? Я задавался этим вопросом и не раз, мы даже обсуждали это с О., когда она поняла, что муж Светы мне вовсе не по душе. В этом вопросе мы с ней разошлись во мнениях: я считал, что это большой компромисс со стороны Светы, она всегда хотела замуж, детей и благополучной семейной жизни

в загородном доме. Слишком обыденно – скажете вы. Нет – это прекрасная мечта, и стоит она очень много. А Михаил был настойчив в своей любви, стоит отдать ему должное, он заботливо укутал её опекой и вниманием, много работал, готовил вкусные завтраки, исправно дарил цветы и своевременно сделал предложение. Так почему же компромисс? Это я увидел однажды за ужином в её глазах, когда Миша рассказывал про случай на своей работе: ей было неловко, в моменты его смеха вперед остальных над своей же шуткой, и в целом скучно. Я почувствовал нестыковку их такта, видения и ощущения жизни. А О. считала, что я сужу со своей колокольни и понятия не имею, что происходит между ними. Одно дело заметить неловкость на званом ужине, а другое дело оценить тонкую интимную жизнь двух живущих вместе людей. И напомнила мне о магии химии мозга и запахе любимого человека. Что ж, я всегда считал социальный фактор главенствующим над химическим и физиологическим, об этом с О. мы частенько спорили.

Дверь бара открылась, вошёл пожилой мужчина в потёртом пиджаке и брюках, на ногах у него были сандалии, несмотря на вечернюю прохладу. Он походил на бездомного, и если б бармен не знал его как завсегдатая, то скорее всего выставил бы за дверь. Он рассеяно оглядел зал испуганным взглядом, заметив меня, словно просиял и поторопился подойти к столу. Это был Г.П., давний знакомый, который любил нарушать моё уединение за дальним столиком.

– А., добрый вечер, разрешите присесть? – сказал Г.П., всё ещё озираясь по сторонам.

– Здравствуйте, Г.П., присаживайтесь, – вздохнув, сказал я, понимая, что подумать о деле теперь вряд ли удастся.

Г.П. отодвинул тяжелый деревянный стул, сел напротив, затем немного наклонился вперёд и, улыбнувшись, не обнажая изрядно проредившие зубы, сказал:

– Не угостите стаканчиком пивка?

Я помахал бармену, который издевательски ухмыльнулся и взял пустой стакан для Г.П.

– Спасибо, А., большущее спасибо, а то совсем забегался, записался... – начал свой монолог Г.П., немного запнувшись, – задумался. Вы знали, А., что каждый восьмой человек в мире страдает хотя бы от одного расстройства психики! Представляете, представляете, А., о скольких случаях мы ещё не знаем! Вот, например, мой сосед по этажу Сергей Иваныч – бывший начальник службы главного инженера лесопильного завода, он, думаете, обращался к врачам со своими проблемами? Конечно же нет! А ведь он каждый день, я вам клянусь, каждый день смотрит одну и ту же передачу по телевизору!

– Тогда уж каждый первый псих, – сказал я, делая глоток пива.

– А я ведь всё слышу, за стенкой живу, а сам телевизора вообще не имею, оттуда только мозг забивают всякой чушью, – продолжил Г.П., не обращая на меня внимания. – Удивительно, удивительно, что их вообще принудительно не устанавливают в каждую квартиру, например, в целях безопасности, для оповещения народонаселения!

– Вы бы потише, Г.П., вдруг они услышат и возьмут на заметку.

– Спасибо, спасибо, – сказал Г.П. официанту, поставившему перед ним стакан тёмного пива, а затем поторопился сделать несколько жадных глотков. – А вот шизофрения. Якобы семь-восемь человек на тысячу. Так мы им и поверили, – засмеялся Г.П., – так и поверили! Но самое страшное, что количество людей с расстройством психики растёт, вы замечали? Опять часы стоят, – он постучал пальцем по треснутому стеклу своих старых наручных часов. – И знаете, так каждый четверг.

– Сегодня пятница, – сказал я с улыбкой.

Г.П. рассеяно посмотрел на меня, затем снова на часы.

– У меня есть несколько теорий на этот счёт, хотите услышать? – подмигнул мне Г.П. – Они распространяют невидимый газ, сбрасывают его прямо с самолётов, причем с каких? С обычных гражданских! Каждый день сотни рейсов! Я проследил статистику по районам

нашего города, у граждан, проживающих в окрестностях аэропорта, больше психических расстройств!..

Как минимум одно в полёте мысли Г.П. было справедливо: число людей с расстройствами психики действительно с годами росло, более того, число преступлений, в том числе, убийств и похищений. После потери О. я вынужденно погрузился в этот теневой мир, который обычная размеренная жизнь старается обходить стороной.

– ...проследил за их траекториями, они специально совершают дополнительные круговые маневры, чтобы зацепить как можно больше районов. Вы можете себе представить, можете?!..

Одна из самых печальных статистик в том, что более миллиона людей по всему миру пропадает каждый год. Целый миллион бесследно пропавших, вычеркнутых из реальности, но оставшихся в воспоминаниях родных и близких.

– ... а вот в Лесном районе ситуация обстоит наилучшим образом, и как вы думаете? Там практически не летают самолёты! Я уже начал искать там... – Г.П. резко остановился, глядя на мой стакан пива. – Позвольте? – он протянул руку и переставил мой стакан на подставку. – Покойная жена всегда ругала меня, если видела стакан без подстаканника.

Дверь бара вновь открылась и появился М., он быстро подошёл к столу и, слегка похлопав старика по плечу, сказал:

– Г.П., не мог бы ты оставить нас с братом наедине, – мы с М. были двоюродными братьями.

– Конечно, конечно, М., – поспешно вставая, сказал старик. Прихватив с собой недопитое пиво, добавил: – Берегитесь самолётов! – и скрылся в противоположном углу бара.

М. сел на его место, он выглядел уставшим и смотрел на меня с укоризной. Заиграла песня «Breed»⁷ от «Nirvana», и в баре стало немного шумнее.

– Я же просил тебя не писать мне в рабочее время, – сказал он.

– Сейчас почти одиннадцать, – ответил я.

– У нас полный дурдом, работаем круглосуточно, – сказал М. и в пол-оборота помахал официанту. – Дела наконец-то объединили, ты представляешь себе, что такое объединить четыре дела из разных участков полиции в одно?

– Кто руководит?! – встревоженно спросил я, понимая, что если М. не при делах, то не видать мне улик и отчетов.

Подошёл официант, и М. заказал двойной виски, одарив меня вопросительным взглядом, на что я отрицательно покачал головой – пусть сегодняшний день не будет плохим.

– Повезло, мы за главных, за это тебе спасибо, ну, то есть, спасибо за работу без выходных и ночи без сна в обнимку с кофемашиной.

– Они и так потеряли слишком много времени, и почему у вас так плохо выстроена совместная работа между участками? – задал риторический вопрос я.

– Скажи спасибо, что вообще послушали нас, вернее меня с твоими идеями, никто не любит новых серийных убийц – это суший геморрой. А тут ещё это новое дело, ад в амбаре за городом...

М. снял кожаную куртку и повесил на спинку стула. Он остался в помятой серой рубашке со следами пота на подмышках и пожелтевшим воротником. Обычно брат следил за своим внешним видом, но сейчас явно был не тот момент.

– Что за дело? – спросил я.

– Не будем об этом, – отрезал М. – Как же хочется курить, знал бы ты, – разминая костяшки пальцев, сказал М.

⁷ Песня американской гранж-группы «Nirvana», написанная вокалистом и гитаристом Куртом Кобейном. Выпущена на втором альбоме коллектива «Nevermind».

– Не стоит, – покачал головой я и представил, как дым заполняет мои лёгкие, одаривая приятным головокружением. – Так что там насчёт видеозаписей и соцсетей?

М. порылся в кармане и извлёк флешку.

– Не дай бог, узнают на работе, – он покачал головой.

– Ты каждый раз об этом говоришь, может быть, хватит? – я поторопился забрать «память», словно, сжимая её в кулаке, смогу считать данные и быстренько прокрутить их в своей голове.

– По соцсетям пока глухо, но девочки были молодые, красивые – куча подписчиков...

– Он вряд ли бы стал на них подписываться, – перебил я брата.

– А просто визитёров ещё в сто раз больше, и вот по ним есть несколько совпадений, но не у всех жертв, – М. получил заветный стакан виски и сделал небольшой глоток, слегка поморщившись. – Эти варианты сейчас в проработке.

– Анонимы под фейками?

– Есть и такие, а есть просто популярные блогеры или каналы, видимо, лайкают страницы с числом подписчиков больше ста чисто ради охвата.

– На этих время можно не тратить. Анонимов под фейками проверили бот-детекторами?

– Да, ботов отсеяли, хотя кто сказал, что он не может использовать бота для поиска жертв?

– Верно, – я почувствовал боль в висках и поторопился их растереть пальцами, нужно было ещё выпить. Сделав несколько глотков, осушил стакан. – Есть левые IP⁸, выданные через VPN⁹?

М. тяжело вздохнул и сказал:

– Я в этом слабо разбираюсь, айтишники работают. А что ты хочешь увидеть на видео? – сменил он тему. – Их, как минимум, восемь пар глаз в разных участках смотрело – ничего.

– Он следил за ними, возможно, приходил к их дому, месту учёбы или работы. Убийца очень дотошный и вряд ли попался бы на камеру, но все ошибаются.

– Там сотни гигабайт записей – сотни часов видео, целая неделя до убийств. Ты рехнёшься всё это смотреть.

М. был прав, но я отчётливо чувствовал его желание сблизиться с ними. Я закрывал глаза и видел, как он стоит у прилавка, мило улыбается и говорит: «Сдачи не нужно», – протягивая наличные. Х. не по погоде слишком тепло одет: зимняя шапка и кожаные перчатки. Он не торопится, наслаждаясь каждым моментом вблизи неё, стараясь уловить аромат духов сквозь кофейный запах.

– Слушай, мне пора, Саша и так уже меня бросить хочет, – сказал М., добывая виски залпом.

– Купи ей цветы.

– Пожалуй, цветы не помешают, – вставая и надевая куртку, ответил М. – Только не сходи с ума, видок у тебя дерьмовый.

– У тебя тоже, – мы улыбнулись друг другу, и брат поспешил прочь.

Когда О. пропала, М. поддержал меня. На тот момент он уже работал в правоохранительных органах и всячески пытался помочь в поисках, хоть и не его отдел занимался этим делом. Раньше мы редко общались, о чём оба сожалели, хоть никогда и не говорили этого друг другу. Он младше меня на четыре года и всегда был славным парнем, но эта работа, этот город, всячески пытались испортить его представления о жизни. И от жизнерадостных взглядов молодого человека к тридцати трём мало, что осталось. Он стал пить и менять женщин,

⁸ Internet Protocol, но в данном случае подразумевается IP-адрес – это уникальный числовой идентификатор устройства, подключённого к сети интернет или локальной сети.

⁹ Virtual Private Network – это технология, которая создаёт зашифрованное подключение между устройствами и интернетом через специальный сервер.

а иногда они меняли его, не дождавшись очередной ночью домой. М. всегда бежал от серьёзного, долгосрочного, старался не погружаться в отношения, будь то отношения с женщинами, родственниками, друзьями или коллегами. Иногда казалось, что он застрял в своих двадцати годах, если, конечно, не считать невидимый отпечаток от груза работы. И так же, как и я, каждый раз чувствовал глубокое сожаление, когда не мог кому-то помочь, раскрыть дело или даже ответить на вопрос, как пройти к метро.

Мне тоже пора было идти, ночь обещала быть длинной и полной тяжелых мыслей. Г.П. нашёл себе нового собеседника и увлеченно ему рассказывал про ядовитые самолёты, сеющие безумие на улицы города. А мне же казалось, что оно само зарождается из грязи, в тёмных переулках, канавах и канализации, из нечистот и остатков жизнедеятельности, проникая в наше сознание, склоняя чашу весов не в ту сторону.

* * *

Я жил в той же квартире, в которой прошли наши лучшие годы с О. Центральный район, последний этаж, помню, как О. всё время боялась, что протечет ветхая крыша, ведь этому кирпичному дому было почти сто лет. Брать кредит в двадцать семь на всю оставшуюся жизнь было неприятно, хотелось точно сделать правильный выбор и, вообще, связать себя совместно выбранным жильём было немного страшно. Но жить на съёмной квартире мы оба больше не хотели, достаточно было и трёх лет, меня смущал контроль со стороны арендодателя, хотелось чувствовать себя свободнее, а О. раздражало то, что она не может сделать существенных перестановок. Она всегда мечтала о больших окнах в пол, чтобы свет наполнял комнату, питая раскинувшуюся импровизированную оранжерею. О. всё время ходила с пульверизатором и опрыскивала свои орхидеи, рододендроны и даже большой папоротник, которому она дала имя Цезарь. В жару и мне доставалось немного влаги из пульверизатора. Цезарь единственный остался при мне, остальные цветы я раздал Свете и бывшей девушке М. Вы знали, что папоротники живут до ста лет? Так что и дом, и папоротник, вполне могут меня пережить.

Лифт время от времени не работал, мне пришлось подниматься пешком по широкой лестнице с кованными перилами. На пятом этаже я наткнулся на Свету, она сидела на ступеньках с почти пустой бутылкой красного вина.

– Привет, ты знал, что у вас в подъезде свет выключается автоматически, если не двигаться?

– Да, – сказал я, остановившись на несколько ступенек ниже.

– Прости, знаю, ты занят... – она замялась, – да и вообще, не уверена, хочешь ли меня видеть. Но мне очень нужно с тобой поговорить...

Она была достаточно сильно пьяна, кудрявые растрёпанные волосы, излишне ярко красная помада, чёрное платье, слишком короткое для этого времени года и для такой позы. Света быстро это поняла и поспешила сдвинуть ноги в бок и поправить подол.

– Давай я лучше вызову тебе такси, – я потянулся за телефоном.

– Подожди! – она поставила бутылку на ступеньку, и её лицо исказилось гримасой сожаления и чувства стыда. Через мгновение она зарыдала, обхватив лицо руками.

Я остался стоять на месте, хоть мне и было не по себе. Она вовсе не была мне противна, скорее наоборот. Но это было невозможно. В параллельной реальности, во сне, на Луне или Марсе, но не здесь, не сейчас, не после всего, что с нами было, не с моей жизнью, и тем более не с её. Мне стало горько на душе, я всё-таки сделал эти пару шагов, нагнулся и поцеловал её в макушку, вдохнув приятную смесь кондиционера для волос и духов.

– Пойдём, сделаю тебе кофе, – я помог ей подняться. Света всё ещё хныкала и тут же уткнулась мне в грудь.

– В апреле труднее всего, – процедила она сквозь слезы.

– Мне тоже...

Придерживая её одной рукой, я достал ключи и повернул их в замке. Через несколько минут мы сидели на кухне, а я неуклюже пытался заварить кофе, сам его не пил, но банка для гостей имела, как правило, для клиентов, которых я принимал на дому – держать отдельный офис было не по карману.

– Как ты с этим справляешься? Прошло уже пять лет, а я до сих пор не могу привыкнуть, – сказала Света, вытирая слезы бумажной салфеткой.

Я не знал, что ответить, потому что, на самом деле, не справлялся, и достаточно было оглядеться вокруг, чтобы это понять. Просторная кухня выглядела безжизненно, от двух банок супа Энди Уорхола на стене осталась только одна, другая, с треснутым стеклом и сломанной рамкой после удара кулаком, покоилась в забитой доверху кладовке, пустые полки, пустой холодильник, плита в качестве продолжения столешницы для множасьей упаковки заказанной еды, сгребаемой в большой мусорный пакет только по праздникам – в день прихода клиентов. И это лучшая из трёх комнат, в спальню и бывшую гостиную, ставшую офисом для работы, посторонним лучше было не заглядывать. Единственным спасением был минимализм: я избавился от множества ненужной мебели, цветов и вещей О. Сделал я это примерно два года назад в попытке начать новую жизнь, которая, очевидно, не увенчалась успехом.

– Посмотри вокруг, посмотри на меня, похоже, что я справляюсь? – грустно улыбаясь, сказал я и передал Свете кружку.

– Тебе надо поработать над кофе, – отпив и немного поморщившись, сказала она.

Мы молчали некоторое время, затем она сказала:

– У меня появился мужчина... – она сделала паузу, ожидая моей реакции.

Я почувствовал некоторое облегчение, что данное признание не касалось меня, но промолчал, давая ей выговориться.

– Мы встретились на йоге, младше меня на три года, в разводе... – начала она перечислять факты, словно составляла анкету для сайта знакомств. – Состоятельный, любит путешествия и спорт, – я представил округлившегося Мишу на диване их квартиры, который за девять лет брака растерял свой ухажерский запал, включающий энергию к действию, нравящуюся практически всем женщинам без исключения. – Мы выпили как-то по чашке кофе после занятий, а потом начали переписываться, – продолжила рассказ Света, чеканив слова, словно монеты. – Я почувствовала себя такой живой, не знаю, как это передать... – её голос задрожал, она замолчала на мгновение, а затем сорвалась: – Ты думаешь, я сука?! Шлюха?! Ты, наверное, презираешь меня?! – её голова рухнула в ладони прямо над чашкой кофе, едва ли аромат кофейных зерен мог ей помочь.

Она больше не рыдала, лишь тяжело дышала и немного дрожала всем телом.

– Не мне об этом судить, но советую подумать о близких и не причинять им боль. Идти на это стоит только в случае, если остаться будет равно причинить ещё больше страданий, – сказал я.

– Я уже с ним спала! – Света подняла голову и устремила на меня свои красные глаза. – И это было лучшее, что со мной случилось за долгое время!

Я подумал, чтобы сказала О.? Она, в отличие от меня, была гораздо более понимающим и снисходительным человеком. Я же чувствовал разочарование, но не сильное, ибо поймал себя на мысли, что вся эта ситуация не слишком меня трогает. В этот момент флешка в кармане словно разогрелась, а из кабинета послышался далекий едва различимый зов. Кроме того, вся эта ситуация была логичным продолжением несоответствия тактов их с мужем жизнью – маленькая трещина стала разломом.

– А ты знал, что Миша был влюблен в О.? – внезапно сказала Света со злостью.

Я почувствовал, как она хочет до конца прожить роль падшей женщины, в которую себя же и записала. В глазах появился характерный ведьмин блеск, голос изменился. В моём немно-

гословном лице ей не хватало публики, нужно было больше осуждения. Она жаждала наказания.

– Дурак, думал, что я не замечаю, как он на неё смотрит, – цедила она сквозь зубы. – Но я его жалела, а вот её за это ненавидела! Жестоко, позволять кому-то себя любить, но не любить в ответ.

У меня вновь заболела голова. Её едкие слова-стрелы достигли цели.

– Знал, но это всё ерунда. Если ты хочешь быть наказана, то ты не по адресу, и грехи я тебе отпускать не собираюсь.

– Да пошёл ты на хер! – она запустила в мою сторону кружку с остатками кофе, та разлетелась вдребезги, оставив на стене характерную тёмную кляксу.

Затем Света быстрым шагом направилась к двери, распахнув её, замерла на пороге, обернулась и сказала:

– А я тебя любила... Ты думал, как бы могло всё сложиться, зайти мы дальше пьяных поцелуев?

– Ничего хорошего бы не вышло.

Она с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Всё-таки плохой день, – пробормотал я, доставая бутылку виски из комода.

Я стоял напротив пятна и смотрел на потёки, эти слова могли бы пробить меня насквозь и оставить подобный след на стене, но этого не случилось. Я сделал глоток, небрежно протер испачканные поверхности, пожалуй, это здесь надолго. Подолив виски, направился в кабинет. Полночь, три стакана пива и сто грамм золотистого напитка – самое-то, чтобы пораскинуть мозгами. Три высоких окна в пол зияли чёрными дырами, с улицы доносился отдалённый гул автомобилей, не унимающихся круглые сутки, прогремел предпоследний трамвай. Но не улица интересовала, а два на один магнитная доска, заваленный папками стол и покрывшийся плотным слоем пыли компьютер.

Четыре мёртвых девушки смотрели на меня с улыбкой, мне вовсе не хотелось получить пятую фотографию на доску. Над расставленными в хронологическом порядке фото были указаны даты: «12.03.2024», «13.09.2024», «12.11.2024», «06.03.2025» – разные дни недели, с виду никакой магии чисел или хитрой закономерности. Но важным здесь являются интервалы: между первым и вторым убийством полгода, вероятно, это были полгода сомнений и борьбы с самим собой, а после сокрушительного поражения – дополнительное время на более тщательную подготовку. Перерыв на зиму подтверждает его чрезмерную осторожность – он не хотел оставлять следы на снегу, или это не соответствовало образам в его голове? Можно было бы сделать расхожее предположение о осенне-весеннем обострении и выраженной психопатии убийцы, но я видел его иначе, вполне вменяемым: с работой, знакомыми, но, правда, без близких друзей. Насчёт семьи я сомневался, мне он казался весьма одиноким человеком.

Я включил компьютер, и он недовольно затрещал вентилятором, не слишком сильная затрецина привела его в чувство, ритм нормализовался. Пока грузилась операционная система, я взял маркер и написал на доске: «Причины», а под ним: «Реализация сексуальных фантазий», «Импотенция?». Слишком очевидно, мало, что даёт. Добавил: «Сожаление и попытка вернуть утраченное?». Идём дальше. «Повод»: «Потеря?», «Работа или член семьи?». «Объект»: «Воспоминание молодости?». «Поэтому утрачено?», – подумал я. «Возможность»: «Тотальная продуманная слежка», «Одержимость», «Много свободного времени?».

«Орудие» – здесь нам помогут отчеты судмедэкспертов. У первой девушки так называемое механическое задушение скорее всего руками. Смерть наступила от гипоксии, присутствуют характерные кровоизлияния в глазах, ссадины по бокам шеи, некоторые весьма обширны, в том числе, образовались подкожные кровоподтёки, видимо, из-за оказываемого сопротивления и сильного возбуждения он с яростью сжимал пальцы так, что образовались

переломы подъязычной кости и щитовидного хряща. Но отпечатков не было – использовались перчатки.

У других девушек отсутствуют обширные ссадины и кровоподтёки на поверхности шеи – преступник использовал какую-то прокладку, например, предметы одежды самих жертв. Но данная версия не может быть подтверждена анализом частиц, который выявил в области шеи и рук следы химикатов. Это были чистящие средства со стандартным составом, их можно купить в любом хозяйственном магазине. Девушки сопротивлялись и могли поцарапать его, но он тщательно почистил под ногтями. После убийства Х. приводил тела жертв в требуемый для его жуткого ритуала порядок.

Но у всех четырех имелись синяки на руках и локтях, возможно, полученные при падении и в процессе придавливания к земле. Убийца в хорошей физической форме, достаточно силен, чтобы справиться с молодой здоровой девушкой – никаких наркотических примесей или алкоголя в крови жертв не обнаружено.

Есть несколько нечётких отпечатков обуви сорок второго размера, но каждый раз с разным протектором. Он всё время был в разной обуви?

«Свидетельства» – здесь глухо, разве что записи видеокамер? Компьютер давно загрузился, а стакан почти опустел, благо бутылка была под рукой. Я сел за стол, вставил флешку, записи были заботливо распределены по папкам с номерами жертв и далее по каталогам: «Кофейня», «Вход в парк», «У дома жертвы» и так далее.

Я погасил свет, нацепил наушники, включил случайную подборку зарубежной рок-музыки и уставился на экран, начав с конца. Последняя жертва, кофейня, день смерти. Я знал, что не увижу его здесь, в этот роковой час он уже ждал её в парке. По этой тёмной тропинке ходило достаточно много людей, все торопились сократить путь. Важнее попасть домой быстрее на три минуты, чем пройти в безопасности по центральной освещённой парковой аллее, так ведь? Кто мог спасти её, случайный прохожий, собачник со своим питомцем или любитель пробежек перед сном? Мог ли кто из них видеть странную тень в кустах за деревьями?

Но в кофейне всё ещё горел свет, несколько редких посетителей в четверг вечером. Хотя запись и не передаёт звук, но, вероятно, её последними услышанными словами были: «спасибо» и «до свидания». Говорил ли им что-то убийца? Перемотаем на середину дня, заглянул ли он убедиться, что она на работе или сидел в машине поодаль и наблюдал? Я взял блокнот и сделал запись: «Проверить одинаковые машины в ключевых местах минимум за неделю до убийств». Надеюсь, полиция позаботилась о такой очевидной возможности. Разношерстный народ сменял друг друга, камера была установлена верно: она захватывала входную дверь и прилавок, так что, можно было разглядеть лица посетителей. Мог ли он так рискнуть и попасть на запись?

Глоток, новые персонажи, сливающиеся в единую массу плохого разрешения видео, глоток, минуты, часы текли в обратном направлении, глоток, мир за окном стих...

Глава 2. Пятое апреля

Я очнулся прямо в кресле перед экраном, на котором продолжало идти видео, оно уже подкралось к финалу. За окном начало светать, голова пульсировала от боли, под ногами валялась почти пустая бутылка. Я попытался встать, но чуть не упал, выругавшись, опираясь на всё подряд, двинулся в сторону дивана и с размаха рухнул на него, добраться до спальни не представлялось возможным. В голове проносился поток пугающих, бредовых мыслей, словно видел сам себя на видео. Вот я зашёл в кофейню, на мне было зимнее пальто и почему-то широкополая шляпа, от части закрывающая обзор камере, на руках красовались кожаные перчатки, на шее был пашминовый шарфик. Мне было очень жарко и хотелось пить. Из этого ада меня вырвал особый сигнал телефона, установленный на сообщения от М. Благо я мог дотянуться до трубки рукой. Текст гласил: «Он опять это сделал. Лесопарк Озёрный. Девочке всего шестнадцать. Подробности вечером, работаем на месте».

Электрический разряд усадил меня на диван. «Сука! Сука! Сука!..», – проносилось в мыслях. Я сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладонь, заставляя чувствовать боль. Я должен был себя наказать и уже сделал это. Встав с дивана, направился в туалет, где вставил два пальца в рот. Прочистившись, выпил сильное обезболивающее и залез в душ. Я не мог ждать вечера и довольствоваться фотографиями, мне нужно было увидеть всё своими глазами. Перед уходом бросил взгляд на кофейное пятно на стене и получил новую волну стыда и ощущения собственной беспомощности.

Такси несло меня по улицам пробуждающегося города, а я не мог оставить мысли о тех, кто не вернулся этой ночью домой, о тех, кто потерян, о тех, кто в отчаянии ищет, как это делал я. Всем нам нужно было простить себя, но как это было сделать, находясь по эту сторону.

Мы выехали на окраину: трущобные старые дома, полные наркоманов, проституток и мелких преступников – этот район пользовался плохой репутацией. Некогда красивые места были изуродованы уже заброшенной асбестовой фабрикой, отравившей не только озёра, ставшие выгребными ямами, но и местных жителей, подарив им раковые заболевания на несколько поколений. Место преступления отличалось от прочих, в прошлом это были городские парки в нормальных районах в пределах города. Почему он сменил тактику? Или полиция хочет повесить очередную загубленную местную душу на нашего убийцу? Но М. не мог так ошибиться, ему в этом вопросе я доверял. Лесопарк раскинулся на несколько километров, подъездов к нему было много, но мне повезло увидеть полицейскую машину. Уточнять место у брата было бесполезно, когда он писал сообщение, то явно не ожидал, что я выкину такой номер, ибо у нас были достаточно строгие договоренности, и посещение места убийства в первый же день было строжайшим табу.

Я вылез из машины и вдохнул полной грудью, меня всё ещё немного тошнило, голова была пыльной, взгляд затуманен, но утренняя прохлада, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тучи, и смесь действующих веществ дротаверина, кофеина, непроксена, парацетомола и фенирамина¹⁰ дарила облегчение. Дорога соединяла микрорайон и лес, огибала его с двух сторон и уходила дальше, в пригород. Она не пользовалась большой популярностью, потому что в нескольких километрах отсюда были построены новые развязки. Асфальт потрескался, разделительные полосы стёрлись, поток денег в это место пересох, словно река, с тех пор как завод закрыли. Его серые бетонные массивы виднелись из-за деревьев, подходящие железнодорожные пути были разобраны, лишь остатки виднелись в зарослях кустарника. В сам лесопарк вела просёлочная дорога, там и остановилась патрульная машина, преградив путь зевакам.

¹⁰ Типовой набор составляющих обезболивающих таблеток

Ничего не оставалось, я позвонил М., но он не взял трубку. Один из местных с собакой упёрся в кордон и о чём-то беседовал с полисменом. Я быстро накидал сообщение для М.: «Я в Озёрном, пропусти или придётся позориться, когда меня поймают в кустах при попытке вломиться на место преступления». Это сработало – раздался телефонный звонок:

– Ты совсем охренел?! – злобным полупшепотом прохрипел М.

– Сделай это, ты мне должен.

– Должен?! – тяжёлый вздох. – Хер с тобой. Ты по направлению из восьмого участка, гражданский консультант... – М. замялся, сочиняя на ходу, – по поведенческому анализу. Если кто-то спросит, зачем второй, скажешь, что дело сложное. Сейчас сообщу патрульному.

Я направился к полицейской машине, разговор стал различим:

– ...и чё, прям весь парк? – сказал мужик в пуховике с расстёгнутой наполовину молнией, за которой виднелась белая засаленная футболка.

– Ещё раз повторяю, весь парк закрыт, и прошу Вас, уберите собаку, – косясь на дворнягу на поводке, но без намордника, сказал полицейский.

– Ну и хуйня, – сплюнул мужик и одёрнул пса.

Зашипела рация, полицейский принял сообщение, и я был тут как тут.

– Здравствуйте, А. – гражданский консультант по поведенческому анализу, – сказал я.

– Проходите, – мотнул головой патрульный. – Знаете, куда?

– Нет, – пожал плечами я.

– Прямо, первая тропинка по правую руку, по ней, не сворачивая, в сторону завода, дальше разберётесь, – сонным голосом пробормотал сержант, вяло жестикулируя в сторону леса.

– Спасибо, – я двинулся по слегка размякшей аллее.

По бокам высились ели, напирющие друг на друга, трава ещё не вымахала после зимы, а кусты не успели загуститься пышной зеленью. На центральной широкой аллее были редкие полусгнившие скамейки и покосившиеся фонарные столбы без ламп с обрезанными проводами. Кругом валялся мусор, бутылки, шприцы и презервативы, но большинство из этого богатства осталось ещё с прошлого года, свежие поступления ожидалось с приходом тепла в мае. Где-то впереди должны были появиться озёра, вернее то, что от них осталось, но я свернул на едва заметную тропинку, уходящую в сторону предприятия по производству асбеста.

С каждым шагом нарастала тревога, ощущения были знакомы – поисковые группы, дни прочесывания полей, парков, лесов, пустырей и заброшенных зданий. Мне начало мерещиться, что там лежит О., словно она пропала несколько дней назад, ещё не тронутая увяданием, но безвозвратно потерянная. Это ужасное ощущение – состояние между пугающей неизвестностью и безжалостной определённой в виде мёртвого тела.

Я вспомнил, как на седьмой день пропажи О. рано утром раздался звонок, я едва спал в те дни, всё было словно в тумане – сомнамбулическое действо, а не жизнь. Это был М., он сообщил, что нашли девушку без документов, по приметам похожую на О., её тело было доставлено в морг. Он предложил самостоятельно провести опознание, но я настоял, что сделаю это. Притупление усталости было развеяно адреналином сильного волнения. Каждая секунда того томительного утра длилась вечность. Особенно длительная процедура опроса со стороны следователя о приметах О., её одежде и внешнем виде. Хотя всеми этими данными полиция давно располагала. Только сильно позже я узнал, что это делается специально, чтобы воскресить в воспоминаниях образ близкого человека. Меня завели в одну из комнат, где посередине стояла каталка, накрытая белой простыней, и предупредили, что внешность после смерти сильно меняется, кроме того, у найденной девушки была открытая черепномозговая травма и гематомы на лице. Помню, как мне было холодно, я стиснул зубы, чтобы не застучать ими. Полицейский спросил, готов ли я. У меня хватило сил только кивнуть, в этот момент тошнота уже

подступила к горлу. Но в первое же мгновение я понял – это не она, испытыв сильную разрядку, замотал головой из стороны в сторону и пробормотал:

– Не она, это не О., нет...

– Вы уверены? – уточнил следователь. – Родственники часто не узнают своих близких после...

– Нет, – настоял я и поспешил отвернуться.

На следующем перекрестке тропинок девушка полицейская замахала руками и прокричала:

– Извините, мужчина, сюда нельзя, полицейская операция!

– Я консультант, у меня допуск, вас разве не предупредили? Можете уточнить у старшего следователя М., я прибыл по направлению из восьмого участка.

Девушка растерялась от такого количества высыпавшихся на неё неизвестных фактов. Видно было, что она только недавно поступила на службу.

– Тогда Вам туда, – она указала в сторону, где между деревьями виднелись жёлтые ленты и фигуры людей.

Шишки и еловые ветки устилали землю, тропинка практически скрылась в сильно прижатой траве. «Они успели всё здесь проверить и сфотографировать или просто затоптали?», – подумал я, внимательно глядя под ноги, словно пытался отыскать знакомый след сорок второго размера. Большие покрытые мхом валуны стали молчаливыми свидетелями убийства, я надеялся, что в этот раз не единственными. Здесь было слишком много народа, они в бронзовском движении бродили между деревьями в поисках улик, расширяя зону по приказу М. Бледный, позеленевший стажёр не мог справиться с лентой, но был рад, что ему не приходится работать рядом с трупом. Позади, в прорехах между деревьями, виднелась другая подъездная дорога, где припарковались все машины, и был развёрнут оперативный штаб. В центре всего действия спиной ко мне стоял М., по правую руку от него был фотограф-судмедэксперт, а по левую невысокая женщина в сером плаще с тёмными волосами. Возле них, в полуметре лежала девушка, издавдала мне показалось, что она во всём белом, словно в саване.

М., будто почувствовав моё приближение, как только я подлез за ленту, развернулся на сто восемьдесят градусов и поспешил навстречу.

– Давай-ка отойдём в сторонку, – вполголоса обратился он ко мне, прихватив под локоть. Мы прошли буквально пару шагов, М. остановился и, немного прищутив глаза, сказал:

– Ты запомнил легенду? Если шеф узнает, что мой братец – частный детектив ошивается на месте преступления, тем более такого, – он помотал головой из стороны в сторону, – будет полный... ну ты понял. Ведь в курсе, что как минимум половина участка тебя знает в лицо? Чудом их здесь нет.

Пока М. говорил, я обратил внимания на его внешний вид: та же самая кожанка и серая рубашка, давно требующая хорошей стирки и глажки, красные глаза, грубая щетина – ну в этом мы были похожи.

– Я тебя прекрасно понял, – сухо ответил я.

– И ещё, позже обязательно разберемся кто кому чего должен. А теперь идём, и прошу, ничего не трогай и лучше помалкивай.

Мы подошли к телу. Судмед сразу обратился к М.:

– Я закончил, забираем?

– Дай нам пять минут, – ответил брат и продолжил, обращаясь к девушке в плаще: – Это ещё один наш консультант по поведенческому анализу – А.С. А это Алиса Ян, также наш консультант по этой теме, – М. развёл руками в стороны, неловко улыбаясь.

– Здравствуйте, – протянула мне руку в белых резиновых перчатках настоящий консультант полиции.

– Очень приятно, – кивнул я и слегка пожал руку в ответ, но тут же поймал себя на мысли об ужасных обстоятельствах встречи, но не стал отпускать неуместные комментарии на этот счёт.

Девушка была с виду слишком молода, но, возможно, её азиатские корни не давали мне правильно распознать возраст. Карие глаза и прозрачные очки в чёрной оправе, мелкие аккуратные черты лица, волосы короткие, но не слишком, достаточно, чтобы завязать маленький хвостик на затылке. Её руки и всё тело, насколько это можно было понять сквозь верхнюю одежду, были тонкими и хрупкими.

Всё это время я не разглядывал жертву, мне было страшно акцентированно посмотреть в её сторону. Наконец-то я взял себя в руки и опустил взгляд.

Белый саван – это действительно был он. Помутневшие роговицы невидящих глаз, устремленных в небо, белая с небольшой синевой и некоторыми фиолетовыми участками кожа, холод её тела ощущался визуально. Она была босая и голая, только белая посмертная ткань. Светлые волосы аккуратно причесаны и уложены под голову. Ладони развёрнуты вверх. На шее следы удушья. Ноги и руки тщательно вымыты, ногти покрашены бежевым лаком. Она действительно была совсем юна.

– Ты сказал, что ей шестнадцать, откуда известен точный возраст? Уже опознали? – спросил я, не отрывая взгляда от тела. Сам того не заметив, обратился к старшему следователю М. на «ты», что было, пожалуй, неуместно.

– Её нашли местные ребята, у них тут была ночная тусовка на заброшенном заводе. Парочка решила уединиться в подлеске и наткнулась, – М. с трудом это говорил, уставившись на убитую. На его лице читалась смесь отвращения и горького сожаления. – Оказалось, их знакомая, живёт... жила в соседнем доме. Говорят, хорошая девчонка: прилежно училась, не пила, не курила, не употребляла, как многие здесь. Мать давно умерла, работала на заводе – рак, а отец – алкаш. Но благодаря деньгам бабушки могла посещать курсы в городе, готовилась к поступлению в хороший университет.

– Что-нибудь нашли?

– Нет, опять ничего, только остаточный запах чистящих средств, следы, похоже сорок второго, удушье... – М. пытался собрать все факты в кучу.

– Время смерти?

– Двенадцать-восемнадцать часов назад, – ответил за М. судмед и направился в сторону оперштаба.

– То есть её убили вчера вечером. Есть следы борьбы, может быть, излишне замята трава? – Алиса покосилась в мою сторону, видимо, это был какой-то нетипичный порядок вопросов для психолога и гражданского консультанта по поведенческому анализу.

– Нет, похоже её убили в другом месте и принесли сюда, – ответил М.

– Аня! Аня! – раздались крики откуда-то со стороны дороги. – Дочка!

– Блядь, – выругался М., быстро смекнув, что к чему. – Мне нужно отойти. – Он направился к машинам, где поднялся гвалт, какой-то мужчина пытался прорваться на место преступления, несколько полицейских схватили его под руки и удерживали.

– Похоже, безутешный отец, – сказал я.

Алиса не ответила, и мы продолжили молча стоять на фоне душераздирающих криков осиротевшего родителя.

До этого момента я был уверен, что если попаду на место убийства, то быстро смогу заполнить все пробелы на своей доске дома, а затем и отыскать маньяка. Но теперь, стоя тут, в шаге от мёртвой шестнадцатилетней девушки, я чувствовал себя не растерянным, а потерянным. К тому же напуганным и жалким. Меня снова затошнило, особенно при взгляде в её мутные глаза.

– Он сильно поменял почерк, – внезапно сказала Алиса и спасла меня от надвигающегося приступа паники.

– Да, он раньше никогда не переодевал их, не красил ногти, да и не перемещал после смерти... Он ли это вообще?

– Конечно, нельзя быть уверенным, но всё указывает на психологический кризис – он претерпевает трансформацию. Его фантазия становится всё более яркой и сложно реализуемой, она требует изменения подхода.

– А вам не кажется, что ко всему прочему, он пытается замести следы? Более отдаленный лес, девушка из неблагополучной семьи и плохого района. Ему просто не повезло, что её так скоро нашли.

– Не думаю, я бы предположила, – Алиса, сама того не замечая, слегка прикусила нижнюю губу, – что он хотел, чтобы её нашли, как и предыдущих жертв. Я бы даже сказала, что он хочет, чтобы его нашли. Он испытывает очень сильную посткоитальную дисфорию¹¹.

– Вы думаете, он мастурбирует после убийства? Следов изнасилования не найдено ни в одном из случаев.

– Можно предположить импотенцию, но это не отменяет возможность мастурбации, более того – это вероятно единственный способ достичь эякуляции в таком случае.

– Но следов спермы не обнаружили... Презерватив?

– Возможно, – Алиса увлеклась размышлениями и попыталась укунить свой ноготь сквозь перчатку, но вовремя остановилась.

– Вы обратили внимание на его одержимость деталями и продуманный подход? Он вполне мог брать с собой презервативы и уносить их после, – я не знал, насколько консультант поведенческого анализа успел погрузиться в дела.

Тем временем безутешного отца пришлось скрутить и удерживать втроём. Его алкогольное похмелье сменилось более тяжелым похмельем утраты дочери. Он рыдал и бился в конвульсиях на земле у дороги, выкриывая проклятия в воздух. М. добрался до бывшего заводчанина, нынче перебивающегося подработками, и обнял в тот момент, когда запал его сил иссяк. Словно нас всех снимали камеры, а это была съёмочная площадка драматического фильма, но тучи окончательно сгустились и изрыгнули дождь.

К нам устремились судмедэксперты и полицейские с чёрным резиновым мешком – нужно было скорее спрятать тело. Мы с Алисой замерли на месте, наблюдая за общей суетой.

– Идёмте, здесь, кажется, всё, – сказал я и направился к оперштабу, Алиса последовала за мной.

Отца успели усадить в одну из полицейских авто, М. пытался допросить его.

– Вы на машине? – спросила Алиса.

– Нет, на такси.

– Подвести?

Я понятия не имел, какой порядок взаимодействия гражданских консультантов психологов и полиции, поэтому решил отказаться, чтобы не попасть в западню. Но, с другой стороны, было отчётливое желание продолжить разговор, прерванный дождём.

– Я бы ещё побыл здесь... Можно ваш номер телефона, хотел бы позвонить вам позже? – искренне сказал я.

Алиса улыбнулась едва заметной улыбкой и, оставив мне свой номер, села в свой старенький красный Saab 9000.

Кроме полиции на импровизированной стоянке скопилось несколько гражданских, в основном подростки. Даже дождь не напугал их, снедаемые любопытством они укрылись за капюшонами своих толстовок. Я подошёл к ним и заговорил:

¹¹ чувство печали, беспокойства или агрессии после полового акта или мастурбации.

– Знали её?

Трое парней и одна девушка с недоверием посмотрели на меня. Тот, что постарше и повыше, похоже совершеннолетний, сказал:

– Не слишком, с нами не тусовалась, заучка.

– Кто-то из вас её нашёл?

– Не, это Саня с Лизкой, их менты с ночи допрашивали, ща уже отпустили. А ты, дядя, кто будешь-то? – вдруг осознав, что излишне разболтался, сказал парень.

– Я частный детектив, занимаюсь этим делом, – честно ответил я.

– Детектив? Как в кино что ли? – усмехнулась девчонка.

– Типа того. А ночью вы тут тоже были?

– Слушай, дядя-детектив, ты не мент, мы отвечать не обязаны, – нагло заявил старший.

Одним из важных правил, что я взял на вооружение за три года работы детективом – это всегда носить с собой достаточное количество налички. Вручив наглецу пятьсот рублей, я повторил свой вопрос.

– Ну были, только вот всё накрылось медным тазом, когда Саня с Лизой прибежали оттуда, – он указал на лес, из которого в этот момент выносили тело в чёрном мешке. – Орали как резаные.

– Я б так не зассал, – ухмыльнувшись, вставил самый мелкий из них, с косоватым глазом и шрамом на щеке. Жизнь, очевидно, была жестока с пареньком.

– Ну, а чё тогда не сходил посмотреть?

– Да удолбался! – поспешил оправдаться мелкий, но тут же понял, что ляпнул, и поморщился.

– Ага, ссыкло, – сказал старший и ударил кулаком своего товарища в плечо, от чего тот застонал и ещё сильнее начал гримасничать. – Ну нам пора, дядь, дождь ебучий, – пацан начал делать вид, что уходит.

– Че, на пиво пятихатки нынче не хватает? – спросил я.

– Нам бы ещё на сигареты... – продолжил торговлю наглец.

– Это зависит от того, скажете ли вы мне что-то интересное или нет.

– А че такого тебе надо-то? – нахмурился длинный.

– А ты, получается, ходил посмотреть? – осознав, спросил я.

– Не ходил, – стараясь уверенно смотреть мне в глаза, сказал парень, остальные при этом усталились себе под ноги.

– Никто тебе ничего не сделает, ты же ничего там не трогал? – сказал я, протягивая ещё одну купюру.

– Не трогал... – парень немного замаялся.

– Ты кого-то там видел?

– Да хуй знает, показалось походу, – он покачал головой.

– Со страху небось, – сказал мелкий, пытаясь отыгаться, но тут же получил второй, более сильный, удар в плечо.

– Завали! – выкрикнул при этом старший.

– Что ты видел? – я представил себе тень, скользящую между деревьев.

– Стоял там кто-то, в темноте не понятно, – пожал плечами вожак стаи.

– Одежда, рост, может, какие-то особенности силуэта?

– Да не знаю я ни хуя! – выругался парень. И, развернувшись, быстро направился в сторону жилых домов, расположившихся в пятистах метрах за дорогой. Его стайка поспешила за ним.

– Эй! – окликнул я заскучавшего полисмена.

– Да? – устало отозвался он.

– Вон та четвёрка, – я указал в сторону удаляющихся силуэтов, – свидетели, как минимум один из них, похоже, видел убийцу. Советую не упустить.

Глаза полицейского округлились, он бросил сигарету и побежал за молодежью, выкрикивая: «Стой! Стой!..».

Дождь усиливался, барабания по крышам машин, М. всё ещё сидел в одной из них вместе с отцом жертвы. Вода угрожала смыть остатки улики, если они, конечно, имелись. Х. специально выбрал это место, совсем рядом с заводом и тусовкой молодёжи, звуки музыки и пьяные выкрики отголосками доносились до него. Его возбуждала близость разоблачения, он стоял среди деревьев, тяжело дышал и ждал, глядя на белизну савана. «Он может возвращаться в места своих мрачных подвигов, чтобы вновь испытать неведомую гремучую смесь ощущений», – сделал я заметку.

М. наконец-то выбрался наружу, он размял шею, застегнул молнию на куртке, поёжившись от холодных капель, падающих за шиворот.

– Отвезите его домой, – отдал указание одному из полицейских. – Дай закурить, – обратился он к другому. – Ну и хуевый денек, – прикуривая, выругался брат.

– Как отец? – спросил я.

– Плохо, – затягиваясь ответил М. – Вот так всю жизнь, забиваешь болт на родную дочь, бухаешь, как чёрт, а потом – раз, и протрезвел на мгновение, чтобы затем окончательно забыться.

– Соберите подробные показания всех ночных тусовщиков, они кого-то видели.

– Обязательно.

– И её платье – это серьёзная улика, раньше он ничего своего не оставлял.

– Как тебе Ян?

– Толковая, не игнорируйте её.

– Тоже так подумал, – мы смотрели на завод, темнеющий своей мокрой серостью. Гигантские наклонные ленточные конвейеры, поднимающие асбест на несколько этажей, поддерживались ржавыми распорками, опустевшие цистерны гудели на ветру, а железнодорожный причал больше никогда не примет поезд.

Наше тяжёлое молчание нарушилось звонком телефона М. Он снял трубку и начал машинально бродить из стороны в сторону.

– Да... Блядь... Понял... Ясно... Ещё работаем... Понял, выезжаю, – М. закончил разговор и бросил бычок в успевшую образоваться лужу. – Шеф звонил, вышла статья в газете, там ничего хорошего.

– Это должно было рано или поздно случиться.

– Мне надо ехать, очевидный слив, будут разборки. Ты со мной?

– Нет, – у меня было странное ощущение, как будто что-то забыл, но не можешь вспомнить – неприятное чувство.

– Как знаешь, – у брата уже не было ни сил, ни желания разбираться в мотивах моих поступков. – Петров! За старшего остаешься!

– Так точно, – отозвался лейтенант.

М. запрыгнул в свой старый тёмно-синий BMW пятой серии и дал газа. Народ потихоньку рассосался, тело забрали в морг, зевак разогнал дождь. Осталось около пяти-шести человек, не считая оцепления, возглавляемые Петровым, они не оставляли надежд найти улики. Я укрылся под козырьком полуразвалившейся автобусной остановки, достал телефон, чтобы сделать несколько снимков окружения. Оставался один процент, я не заряжал его с позавчерашней ночи. Но я чувствовал необходимость запечатлеть момент: зелёный лес за стеной дождя, мрачные бетонные массивы и невысокие трущобные дома вдалеке.

Вместо того, чтобы вызвать такси, я рассматривал сделанные фото, приближая пространство движениями пальцев – магия момента. Не знаю, на что надеялся, но хотел избавиться

от ощущения недоделанности, хотел точно определить все детали происходящего. Интуитивное внутреннее движение, словно вода, падающая с неба, образующая ручей, находящий путь сам по себе. И вот он разряд молнии в небе и в моём сознании, я разглядел колесо и капот машины, показавшей морду из-за цеховой котельной, метрах в трёхстах за остановкой и проходной. Если была молния, значит скоро будет гром. Я оторвал взгляд от экрана телефона и попытался разглядеть машину без помощи зума, но, увы, буквально за минуту дождь озверел и полил стеной.

Я, недолго думая, двинулся в сторону цели. Остатки асфальта скрывали лужи, сразу за проходной по бокам набирали высоту диагональные элеваторы подачи сырья. Вся одежда быстро промокла, я смахивал потоки с лица. Котельная прорисовывалась впереди, а за ней действительно машина – не заброшенное ржавое корыто, а вполне себе на ходу, неплохое старенькое серое Volvo, сливающееся с фоном. Номера были сняты, вокруг никого. Я достал телефон, чтобы сделать фото, но он приказал долго жить. Заглянул в салон – чисто, никаких вещей, дёрнул ручку – закрыто, обошёл вокруг – багажник не поддался. Никаких особенностей, царапин или помятости, в голове проскочила мысль: оставить след на крыле, но я не стал. Чья это машина? Местный охранник или смотритель? Но почему нет номеров? Внутри нарастала тревога, вариантов было три: вернуться на место преступления, позвать Петрова и компанию, остаться у авто или осмотреть прилегающий цех.

Сквозь водопад звуков я опять услышал зов – отдалённый женский голос, поднял голову и посмотрел на десятиэтажное заброшенное здание надо мной. Вам должно быть знакомо это чувство, когда на вас смотрят, так вот, все эти разбитые окна наблюдали за мной, а вернее, он, я чувствовал его пристальный взгляд. Поздно было прятаться в кустах, наблюдая за машиной, и тем более ретироваться за подмогой, он мог уйти. Я вошёл внутрь здания сквозь дыру в стене, оставшуюся от выломанных дверей. Синяя краска стен облупилась, всё было изрисовано граффити, ступать нужно было аккуратно, чтобы не угодить в разбитое стекло. В здании было темно, лишь изредка гроза озаряла цеховые пространства: поперечные балки потолков, металлические ржавые лестницы, застывшие навсегда конвейеры, наполовину разобранные подвесные краны и гидравлические платформы, огромные ковшовые смесители, листовые машины и укладчики, опустевшие резервуары.

Ручейками капала вода, я прислушался, откуда-то сверху раздался гулкий звон металла. Я испытал укол в груди, кулаки вновь сжались, впиваясь ногтями в ладони. Подобрал ржавую трубу с пола, я двинулся вверх по лестнице, стараясь не издавать лишних звуков. Думал ли я до этого момента, как поступлю, повстречавшись с убийцей лицом к лицу? Конечно, но ответ на этот вопрос всегда был разным. Иногда мне представлялось, как я без зазрения совести убью его при любой возможности, и человечество поймёт и простит меня, иногда я сдавал его полиции, довольствуясь выполненным профессиональным долгом и слабым утешением родителей жертв, а иногда меня переполнял страх, и я уступал тьме. Но, кажется, ни разу я не представлял, что повстречаю человека, с виду такого же как мы с вами, но сломанного, испорченного, потерянного. Шаг за шагом я двигался вверх, пытаюсь различить посторонние звуки в шуме дождя.

Так я добрался до самого последнего этажа: офисные помещения для инженеров сохранили остатки пыльной мебели, крыша и разбитые окна протекали, молодёжь оставила здесь те же следы, что и в парке неподалеку. Шорох за стенкой, я резко обернулся, сжимая трубу, задержав дыхание, не шевелился. Молния сверкнула, озаряя пространство, вязкий сгусток тёмного страха притаился за покосившейся деревянной дверью. Раздался гром, и я силой толкнул её, врываясь внутрь. Пусто, лишь деревянный стол главного инженера, разломанный пополам шкаф и остатки разорванных на части книг. Я, не спеша, обошёл этаж и остановился у дыры в стене, которая ранее была окном, выходящим прямоком на проходную, автобусную остановку и пару полицейских машин, едва различимых за стеной дождя. В них набились Петров и

ребята, спрятавшись от своих обязанностей. Окно открывало вид на место, где было оставлено тело. С наличием бинокля можно было всё прекрасно разглядеть сквозь редкие сосны.

Я подошёл к краю и посмотрел вниз – машина пропала. Это точно был он, и либо ему, либо мне повезло. Я ещё раз внимательно всё осмотрел и, не найдя каких-то улик или следов, вернулся на место преступления, чтобы рассказать представителям закона о случившемся.

* * *

Я остался один в полицейской машине, меня угостили зарядным устройством и горячим чаем из термоса. Я осознал, что сегодня ничего не ел, желудок болезненно застонал. К сожалению, оснований объявить машину без номеров в розыск не было, и даже М. не смог оперативно решить этот вопрос. Дополнительных людей не выделили, территорию завода прочесывали все те же бедолаги, что работали здесь ещё с ночи. Как только телефон пришёл в себя, я получил сообщение от отца четвёртой жертвы – моего нанимателя. Он хотел встретиться и поговорить, готов был подъехать немедленно. Я ответил, что буду дома через два часа, и вызвал такси.

По дороге домой я решил написать Алисе, в деталях расписав ей произошедшее. Она тут же ответила: «Приезжайте. Апартаменты у Речного вокзала. Квартира сорок четыре». «Успею заскочить», – подумал я и сменил адрес в приложении.

В пути я зашел на сайт газеты «Вести С.», не пришлось кликать на раздел криминальных сводок, статья вышла на главной странице. «Девушки и женщины города в опасности! Орудует Лесник!», – гласил заголовок. «Четыре невинных девушки задушены... полиция бессильна... от нас скрывали... как скоро он нанесёт новый удар?». Статья была банальная, вызывающая, но полная деталей, известных только следствию. Читая её, я представлял пунцовое рябое лицо шефа полиции, который орёт на М. и обвиняет его в халатности, хотя утечка могла быть из трёх других участков. Автор был мне знаком, пять лет назад он писал о пропаже О. Я намеренно предал дело огласке, в надежде расширить охват поисков. Писал он провокационно, не щадя ни родственников и, уж тем более, ни полицейских, днями и ночами работающих над делами.

Машина скользила по мокрому асфальту, проезжая вдоль одного из многочисленных каналов, ветвящихся в теле города, словно вены. По воде бегали лодки речного такси, стягивающегося к вокзалу, возле которого расположился старый апартаменты, имеющий отдельный причал. Восьмиэтажное здание в стиле арт-деко, нарисованное чёткими линиями, в несколько ступеней возвышалось над пристанью. Отель был не из дешёвых, внутри выдержан в том же стиле: немного роскоши, чёткая геометрия форм, мягкая мебель ярких контрастных цветов и, конечно же, зеркала и картины в золотом обрамлении. Я проскользнул мимо портье на лестницу, быстро отыскав нужный этаж и номер, который Алиса Ян назвала «квартирой». Я постучал, в ответ раздалось: «Войдите».

Внутри действительно была небольшая квартира, со своей кухонной зоной, с барной стойкой и позолоченными табуретами, большим синим бархатным диваном, полукруглым стеклянным журнальным столиком и множеством светильников времен двадцатых годов прошлого века. В комнате тихонько играло кантри с цифрового проигрывателя. Алиса стояла у электрической плиты и что-то готовила. На ней были чёрные брюки и белая рубашка с засученными до локтей рукавами, так что виднелась татуировка в виде голых ветвей дерева.

– Проходите, присаживайтесь, – сказала она. – Хотите перекусить? – Алиса прочитала мои мысли.

– Да, спасибо, – ответил я, осматриваясь: на столике лежали папки с копиями материалов дела. – Думал, вы местная.

– Так и есть, просто иногда люблю пожить в этом отеле, – ответила Алиса, переворачивая на сковородке котлету из рубленого мяса, от которой по комнате распространился приятный запах. – Как вы поняли, что он может быть там? – продолжая стоять ко мне спиной, спросила Ян.

– Трудно объяснить... Как попал на место преступления, меня не покидало ощущение незавершённости, которое не позволяло уйти. Я чувствовал – что-то упускаю. А затем увидел машину – просто везение.

– Интересный персонаж, не правда ли?

– Интересный? – переспросил я, невольно поморщившись. – Ни разу не думал в таком контексте.

– Его одержимость контролем сильнее его осторожности: пробыть почти весь день в нескольких сотнях метров от толпы полицейских... – сказала Алиса и положила пластинку сыра на почти готовую котлету. – Не уточнила у вас, какую прожарку предпочитаете, но, предположу, что полную? – она бросила взгляд через плечо в мою сторону.

– Пожалуй.

– Сегодня я должна завершить психологический портрет и предоставить его на утренний брифинг. А у вас как обстоят дела? – мне показалось, она слегка усмехнулась.

– Вы уже всё поняли, я никакой не консультант по поведенческому анализу и даже не психолог.

– Извините, не сдержалась, – она немного поджарила булочки, а затем ловко вложила в них котлету с сыром и листья салата, добавив пару видов соуса. – Прошу, – выставив на барную стойку тарелки, сказала Алиса. – Пива?

– Не откажусь, – я уселся на барный табурет.

Алиса Ян разлила пиво по бокалам и села напротив меня. Мне показалось, что на обоих запястьях у неё красноватые следы, опоясывающие руки. Из-под рубашки виднелась голова филина – ещё одна тату.

– Наследие молодости, – с улыбкой сказала Алиса, заметив мой взгляд.

Умирая с голоду, я вцепился в бургер и запил его большим глотком пива. Это было великолепно, ничего лишнего.

– Любите американскую еду и музыку? – я кивнул в сторону проигрывателя.

– Когда здесь мне всё надоест, поеду путешествовать по Америке, хочу проехать все штаты.

Я вспомнил, как мы хотели сделать то же самое с О., строя маршрут с запада на юг, затем на восток и на север, закручиваясь по спирали в самое сердце материка, штат Северная Дакота, город с забавным названием Регби.

– Так кто вы, А.? – внезапно спросила Алиса.

– Частный детектив, меня нанял отец убитой девушки.

– А как же М.? Вы ему заплатили? – откровенно спросила Ян.

– Нет, он мой двоюродный брат, – вздохнув, ответил я и принялся за остатки бургера.

– Ах, вот оно что. Вы совсем не похожи, – сказала она, отпив из стакана. – А теперь расскажите мне всё, что знаете, в подробностях, – сказала Алиса изменившимся приказательным тоном.

Я поведал ей краткую историю последней недели, она внимательно слушала и едва заметно кивала головой, изредка прерываясь, чтобы откусить кусок бургера и запить его пивом. В какой-то момент она сорвалась с места и подбежала к журнальному столику, чтобы взять большой чёрный блокнот с ручкой. Но мне пора было идти, я уже начал опаздывать на встречу с безутешным отцом.

– Спасибо, но мне пора, – сказал я, вставая из-за стойки. – Удачи с портретом, будет очень интересно почитать.

– Приходите завтра в участок.

– Не думаю, что меня пустят, не хочется лишний раз напрягать М.

– Тогда, хоть это и серьёзное нарушение, пришлю вам копию.

– Буду признателен, – я накинул плащ и вышел в коридор.

Дорога от речного вокзала до дома занимала не больше пятнадцати минут, за это время, сидя на заднем сиденье такси, я написал М. длинное сообщение, которое, в сущности, повторяло мои показания после посещения завода, но было дополнено мыслями о возможной аренде машин. Это бы объяснило то, что ни на одной видеозаписи не смогли найти одинаковые авто, а он скорее всего пользовался машинами, чтобы следить за жертвами. Нужно было ещё раз отсмотреть все видео, составить список автомобилей, если это ещё не было сделано, и пробить по базе фирм, выдающих в аренду, заодно спросить про старенький Volvo 850 R универсал серого цвета. Также необходимо было расширить временные рамки поиска этих машин после даты совершения убийств, так как он мог возвращаться на места преступлений или следить откуда-то неподалеку.

Я вылез из такси около своего подъезда, но не успел попасть внутрь, как услышал пронзительный гудок, припаркованного неподалёку чёрного джипа – это был мой наниматель. Переднее сиденье справа было свободно, я открыл дверь и залез внутрь. Отец девушки – пожилой мужчина, за пятьдесят, полностью седая голова с короткой стрижкой, много морщин, грубая щетина на твёрдом подбородке. Он крепко держал руль обеими руками, словно гнал машину в потоке на большой скорости, его взгляд был устремлен вперёд.

– Есть новости? – спросил он немного хриплым уставшим голосом.

– Надеюсь, мы скоро его найдём, появились новые улики.

– Какие? – его руки ещё сильнее сжали руль.

– Извините, но мы с вами договорились: я не могу разглашать детали следствия.

Отец тяжело вздохнул и повернул голову в мою сторону, сосуды в его глазах полопались, он, очевидно, мало и плохо спал.

– Послушайте меня, А., я прекрасно помню, о чём мы с вами договорились. Но вы должны меня понять: сегодня вышла эта чёртова статья... – его голос задрожал. – С одной стороны, она может придать огласке дело, и наконец-то кто-то начнёт шевелиться, но... – он с трудом подбирая слова, на его глазах выступили слёзы, он отвернулся и с силой ударил ладонями о руль. – Это кошмар! Скажите мне хотя бы, почему она?! Чем она могла это заслужить?! Моя маленькая, прекрасная девочка... – он заплакал и опустил голову на руль.

– Мне очень жаль, я сделаю всё возможное, чтобы найти убийцу, – мне стало плохо от собственных слов, разве можно этому верить?

Отец взял себя в руки, вытер рукавом куртки слёзы и сказал:

– У меня к вам новое предложение, я готов заплатить в пять раз больше за результат, если вы сообщите мне информацию о местонахождении этого выродка раньше полиции.

Меня ошарашили эти слова, я с трудом ответил:

– Я не могу этого сделать.

– Сколько вы хотите?! – он бросил гневный взгляд в мою сторону.

– Дело не в деньгах – это опасно для вас и может привести к непредсказуемым последствиям.

– Эти последствия не ваше дело! Вы что, думаете, я могу потерять что-то большее, чем уже потерял?! Мне нечего терять!

– Только суд решает, виновен кто-то или нет. Если я ошибусь – может пострадать невинный человек. Самосуд недопустим, – я с трудом верил своим словам.

– Так не ошибитесь. Вот задаток, – он достал из бардачка туго свернутый пакет с наличкой и протянул его мне.

– Я не киллер, – разговор был окончен, я дёрнул ручку двери и вылез из машины.

Поднимаясь вверх по лестнице, я прокручивал в памяти все условия нашей изначальной сделки: я не делюсь следственной информацией, так как это может помешать расследованию, нахожусь в тесном контакте с полицией, основная задача – помочь им найти убийцу. Но это уже не первый подобный случай, можно понять несчастного отца, потерявшего ребенка. Два года

назад я занимался поиском мальчика восьми лет параллельно с полицией и службой поиска пропавших без вести. В ходе расследования я вышел на одного человека, но не был до конца уверен в его виновности. Одновременно с этим тело пропавшего мальчика обнаружили. Следствие, как и я, не могло найти достаточных оснований даже для обыска в квартире подозреваемого. Отец умолял меня поделиться сведениями, но за этим последовал бы ещё больший кошмар: он взял бы свой многозарядный охотничий карабин и отправился напрямик в дом вероятного убийцы-педофила, разрядив в него всю обойму, отправился бы в тюрьму, оставив жену и младшего сына одних. Это давалось мне не легко, пожалуй, самая сложная часть работы. Но тогда я всё-таки нарушил закон, забравшись в дом подозреваемого, пока того не было. И аккуратно там всё осмотрев, нашёл достаточно улики. Тем же вечером я встретился с М. и всё ему выложил. Позже в материалах дела моя выходка отсутствовала, как и наш с ним разговор. Оставалось убедить прокурора, не раскрывая деталей, брат справился с этим, и убийца вскоре был арестован.

Я открыл дверь квартиры, сбросил верхнюю одежду и сел на диван напротив доски. Она требовала новых записей и, к сожалению, нового фото. Усталость накатила на меня сверху, я опустил взгляд и увидел немного недопитую бутылку виски. Слабая голова сразу представила, как я наливаю стакан, кидаю кубик льда, он слегка потрескивает, а затем горячительное приятно разливается внутри. Я закрыл глаза и отбросил эти мысли, тьма начала прорисовываться силуэтами деревьев и больших камней, а между ними контуром высокого широкоплечего человека в шляпе. Затем серые потоки дождя смыли тьму, акварельными пятнами рисуя размытые очертания завода и пронзительный взгляд светящихся фар-глаз из-под широкополой шляпы. Я открыл глаза. Почему опять эта шляпа? Откуда она в моей голове?

Спрятав бутылку с глаз долой, налил стакан воды и сел за компьютер. Газетную статью быстро разносили по интернету, куча других изданий спохватилась и выпускала один за другим свои опусы. Комментарии пестрили ненавистью к правоохранительным органам и чиновникам разной степени важности. Всё это было не к месту для власти, в конце месяца ожидалось муниципальные выборы. Рост преступности в последние годы стал нормой для С. Город захлестнула волна насилия, росла социальная напряженность. А тут громкое дело, невинные девочки убиты, маньяк под носом у шефа полиции, который ко всему прочему был родственником губернатора. Оппозиция с кроваваждой радостью уцепилась за этот шанс, чтобы раздуть протестный огонь.

Подоспел и онлайн репортаж с вечернего брифинга полиции, я включил. Вещал начальник восьмого участка, того самого, где работал М., сам он в кадре не засветился.

– Я лично возглавляю расследование, – говорил шеф М., – мы приложим все усилия, – особо резануло по уху. – Мы найдём убийцу... – и так далее: стандартная заготовленная наспех речь. Закончил он просьбой для всех, кто что-то знает, обращаться на горячую линию. От вопросов отказался, а их сыпалось с разных сторон множество: «Есть ли подозреваемый?», «Сколько на самом деле жертв, и как давно совершаются преступления?», «Это правда, что дела объединили только на днях?», «Что известно о пятой жертве?».

Репортаж заканчивался словами о том, что завтра ожидается выступление шефа полиции С., так как он берёт это дело под личный контроль. Также вышло короткое заявление мэра: соболезнования семьям и всевозможное содействие следствию. Глядя на всё это, я не завидовал М., должно быть сейчас в участке творился настоящий ад. И тут, словно моя сочувствующая мысль пробилась сквозь пространство, мне пришло сообщение от него: «В 22 буду в баре. Надо поговорить».

До назначенного времени оставалось ещё несколько часов, я напечатал фото последней жертвы и прикрепил его к доске, написав сверху: «05.04.2025». Оставшееся время я посвящал просмотру видео, не доверяя, как и комментаторы из интернета, компетентности полиции, составлял список возможных авто, припаркованных у кофейни, парка или дома. Но что

мешало ему найти слепую зону для камер? Информация о расположении камер находится в открытом доступе, любой может зайти на сайт или в специальное приложение, но оно требует регистрации, причём не абы какой, а государственной системы идентификации с паспортными данными. Запись в блокнот: «Запросить списки зарегистрированных. Возможно ли отследить того, кто подключался к камерам?». Я бегло проматывал однообразные кадры, подходящее Volvo нигде не попадалось, жаль, что арендованные авто не имеют особых отличительных черт, вроде несмываемой наклейки на лобовом стекле. Видео казались бесконечными, занятие сильно утомляло.

Я закрыл проигрыватель и обновил страницу электронной почты, не заглядывая туда уже несколько дней. Кроме бесконечного спама было несколько уведомлений от Ивана – сотрудника поисковой службы, с которым я познакомился во время поисков О. Он был отличным светлоголовым пареньком, идейным, с большим сердцем. Мы сблизились в тот сложный период, когда я окончательно ушёл с головой в розыск жены. Я оставил прошлую работу, все мои отгулы и отпуска закончились, попытался выйти назад, но буквально не мог там находиться, всё было пусто и бессмысленно. Инженерное дело, которому я посвятил всю сознательную жизнь, умерло вместе с пропажей жены. Как позже мне говорил психотерапевт: «Увлечение делом часто помогает справиться с горем», – но это был не мой случай, а, вернее, дело было другое – бесконечные поиски.

Полицейская статистика неутешительна: вероятность найти человека в первый день пропажи – 95%, во второй – 50%, на третий – 30% и так далее, график с каждым днём неумолимо стремится к нулю. Полиция перестаёт искать быстрее, нежели такие ребята, как Иван, но поток пропавших без вести не иссякает, и максимум через несколько месяцев ты остаешься с этим один на один, один на один с вероятностью меньше процента. Я знал, что эти письма не посвящены О. – дело о её поисках давно закрыто. Когда я решил стать детективом, обратился к Ивану – предложил свои услуги для семей тех, кого не смогли отыскать они. Я предлагал помощь людям, которые, как и я, не оставляли надежды. Шанс на успех почти нулевой, и кто-то, возможно, был бы прав, обвинив меня в продлении моральной агонии родных, питаемых иллюзиями. Впрочем, таких заказов было немного, я брал не более одного за раз, они длились достаточно долго, денег не просил. На жизнь хватало сбережений прошлого и наследства прижёмных родителей О., которое они оставили мне после своей смерти. Что-то приносили и дела, вроде того, чем занимался сейчас.

Письма от Ивана продолжали приходить, забыл ему сообщить, что веду серьёзное расследование, и пока оно не разрешится, я не у дел. Больно было пролистывать эти заявки – краткие справки с приметами и фотографиями детей, взрослых и стариков. Помню, как мне было тяжело выбрать фотографию О. для подобного объявления. Я всё никак не мог определиться, в итоге это сделала за меня её мать. Они с мужем не перенесли утрату дочери, будучи в весьма преклонном возрасте, быстро угасли. Ранее диагностированный рак, с которым её мама боролась последние годы, победил. Отец ушёл вслед за ней меньше чем через месяц, умерев в своём загородном доме от сердечного приступа. О. часто тосковала в этом тихом местечке в тени деревьев на берегу озера. Наш гипотетический дом представлялся ей иначе: яблоневый сад, зеленые поля вокруг и много солнечного света.

Написал Ивану, что в ближайшее время не смогу участвовать в поисках, но обещал позже выйти на связь. Сообщений от Алисы Ян не приходило, я был уверен – её видение дополнит мою собственную картину. Пора было двигаться на встречу с М.

* * *

На улице уже было темно. Я выбрал свой любимый маршрут: мимо церкви Святой Елены, на этот раз на ступеньках сидел другой бездомный – слепой старик в зимнем потрёпанном тулупе. Я вложил ему в руку деньги, он сжал их в кулаке, а затем перекрестился и пробормо-

тал едва различимое благословение. Я поднялся вверх по лестнице и вошёл в церковь, вечерние службы давно закончились, но дверь была почему-то открыта. Меня встретили ряды деревянных стульев, исповедальня немного в стороне за колонной и красивый алтарь со свечами и большим распятием над ним. У алтаря пожилой священник тушил свечи металлическим напёрстком, помещение наполнялось дымом. Он услышал скрип, стук двери и обернулся.

– Извините, но церковь уже закрыта.

– Простите, не хотел Вас беспокоить, но у меня есть один важный вопрос.

– Исповедаться можно утром перед Божественной литургией или во время вечернего богослужения, – священник пристально на меня посмотрел и добавил: – Но если вы пришли в первый раз, или вас что-то сильно тревожит...

– Можно и так сказать, – сказал я, подойдя ближе. – Хотел спросить про назначение белого платья для усопшей – савана. Это важно для расследования убийств девушек, может быть, видели в утренней газете?

Священник обернулся к алтарю и перекрестился, затем повернулся ко мне и сказал:

– Саван позволяет частично очистить усопшего от грехов перед погребением.

– А есть ли какие-то особенности наряда? Или самого обряда?

– Простая одежда, на женскую голову надевают платок, нижний отрез закрывает руки и ноги. Перед этим делается омовение.

– А почему именно белый цвет?

– Усопший находится под покровом Христа, – он вновь перекрестился в сторону алтаря. – Незамужние девушки – его невесты. Да упокоятся их души.

– Спасибо, ещё раз извините, что потревожил, – я развернулся и направился к выходу.

– Пойдите, вам не нужна исповедь? – священник указал ладонью в сторону кабинки.

– Нет, как-нибудь в другой раз, – я вышел на улицу, слепец покрестил меня вслед.

До бара я размышлял о выходке Х. с саваном. Он действительно был христианином и теперь пытался очистить не только их тела, но и души? Сколько раз в истории человечества люди совершали ужасные вещи во имя Бога? Вся религия построена на костях – через страдания обретём мы путь к Богу. На входе в заведение я повстречал курящего М., он стоял рядом с молоденькими девушками в коротких обтягивающих платьях с кожаными куртками на плечах.

– Ты всё-таки начал курить? – спросил я.

– А как тут не начать-то? – пожал он плечами, а затем, подмигнув девушкам, сказал им: – Увидимся.

Мы зашли внутрь, суббота давала о себе знать: бар был полон народа, громыхал тяжёлый рок, пришлось протискиваться в дальний угол стойки. М. тут же заказал себе виски, я воздержался. Перекрикивая музыку и общий гвалт, я поспешил рассказать ему свои последние мысли. В процессе он лишь кивал, не сводя глаз с бармена, который отбивался от желающих выпить.

– Вообще, я тебя позвал не о деле говорить, – наконец-то дождавшись своей порции и залпом её опрокинув, сказал М.

– А о чём? – удивился я.

– У меня возникли некоторые проблемы... Повтори!

– На работе?

– Везде, если честно, – он горестно усмехнулся. – Я больше не руковожу делом, шеф взялся лично командовать. Так что, не знаю, как насчёт твоих зацепок, я, конечно, всё это передам, но там, понимаешь, свои взгляды. Блядь, и почему в барах больше нельзя курить, славные были времена.

Я молчал, давая ему выговориться, хоть меня и сжигало изнутри сожаление. Что-то может быть сейчас важнее дела?

– У меня есть час, потом надо возвращаться. Работаем сутки, домой только заскочу переодеться, а то уж как свинья провонял, – продолжил М., презрительно окинув себя взглядом. – А ты чего не пьёшь? – заметил он.

– Хватит с меня.

– Правильно-правильно, – он впервые со встречи у входа посмотрел мне в глаза и тут же опустил взгляд на только что поданную вторую порцию виски.

– Расстался с Сашей? – я положил руку ему на плечо.

– Нет, почему ты так решил? – он бросил в мою сторону испуганный взгляд.

– Как будто место себе не находишь...

– Дело в другом. Я тут, – он тяжело вздохнул, – задолжал денег кое-кому.

– Сколько?

– Два ляма, – выпалил М. и снова осушил стакан. – Я бы кредит взял, да уже не дают...

– Я не знал, что у тебя плохая кредитная история... – перед глазами начал вырисовываться новый неприглядный образ, я поймал себя на мысли, что никогда глубоко не погружался в дела брата, попросту говоря, понятия не имел, что происходит в его жизни.

– Есть такое... Мне, в общем, нужно в течение суток вернуть эти деньги. Машину можно, конечно, заложить, но куда я без неё? – я вспомнил туго обтянутый пакет с деньгами в чёрном джипе. – Ну как, выручишь?

– Как так вышло?

Он разочарованно выдохнул, явно надеясь избежать подробного доклада.

– Ладно-ладно, я проиграл эти деньги, – он развёл руками в стороны, усмехаясь. – Обосрался, да. Просто этот головняк на работе, ты же понимаешь, он вымораживает тебя, до глубины души тебя коверкает, мне нужно было как-то отвлечься, бухло уже не помогает.

– А Саша что?

– А что она? Милая, невинная Саша. Не знает она ничего.

– И что ты ей изменяешь не знает?

Он гневно на меня посмотрел и сказал:

– А это уже не твоё дело. Я тебя о помощи попросил, а не мораль мне читать.

– Это ты слил в СМИ информацию о деле? – я не знал, что на меня нашло, чувствовал злость и словно хотел отомстить за его же ошибки.

– Да ты совсем охерел! – он достал из кармана наличку, бросил на стойку и направился к выходу, расталкивая всех плечами.

Я пошёл за ним, догнав у припаркованной неподалеку машины.

– Стой!

Он резко обернулся и, махая в мою сторону руками, прокричал:

– Да, блядь, я грешен, слаб, как все! И что тут такого?! Ну кому стало хуже от того, что в газетах об этом написали? Тебе же я сливаю всё – это почему-то твою чистую непогрешимую совесть не трогает. Или ты забыл, как залез в дом к тому выродку? А это ведь уголовка. Мы делаем всё по совести и живём, как можем, на хер эти законы, правила. Ты прибегаешь каждый раз ко мне вот с такими глазами, – он показал пальцами широкие глаза, – как будто весь мир крутится вокруг твоего дела. А ты знаешь, сколько у меня их на столе лежит, даже сейчас, когда нас всех типа на главное перевели? Десять, сука, папок! А эти папки ебучие – это тебе не фотки на стену клеить и писать всякие бредни, как сумасшедший. Там кучу говна надо заполнять, сиди себе пиши, пока кого-то режут за углом. Бумажку не напишешь – дело не раскроешь. А дома ещё баба грустная сидит, скушает, обижается... Я ни о чём не сожалею, ни о чём.

– Я помогу тебе, если обещаешь, потом всё спокойно рассказать.

– А без этого никак? – устало произнёс М., переводя дух.

– Нет, считай, что это условие кредитования. И ещё одно: протащи меня в следственную группу, хочу быть в участке, на брифингах, иметь полный доступ, – сказал я и протянул руку.

– Ну ты, блядь, шантажист, похуже тех мудаков, которым я задолжал, – М. покачал головой и пожал руку в ответ, добавив: – Завтра в восемь утра, не опаздывай. Деньги верну.

Он сел в машину и уехал. На моих счетах не было нужного количества средств, но мне был доступен онлайн кредит, в сумме должно было хватить. Процентная ставка печалила, но это было лучше, чем собирать брата по частям – судя по всему, он должен денег криминальным элементам, раз пошёл на продажу информации в газету. Хотя я и почувствовал манипуляцию с его стороны, но не был готов рисковать, оставляя его без средств.

День был тяжёлым, по дороге домой я мысленно возвращался к бутылке и, спустя несколько минут, стоя на кухне, возле шкафчика с алкоголем, испытывал невероятную тягу открыть дверцу. Особенно за два дня до годовщины, когда недавно узнал, что пропавшего без вести человека можно признать мёртвым спустя пять лет. Организовать скромную панихиду, заказать гроб, положить внутрь несколько её памятных вещей, а затем закопать эту пустоту на полтора метра под землю. Увольте, я этой глупости не позволю сбыться.

Глава 3. Шестое апреля

Утром около участка было не протолкнуться, у главного входа собрался народ – в основном репортёры. После вчерашних жарких публикаций, очевидно, требовалось продолжение. Любого входящего, мало-мальски напоминающего детектива или даже рядового полисмена, ждало нападение пираний. Я был сильно удивлён такому ажиотажу, даже когда киллеры застрелили сенатора на выходе из ресторана, не было такого волнительного освещения истории.

Я тенью проскользнул мимо всех, но уткнулся в двух крепких ребят в форме, им строго-настрого было запрещено кого-либо пускать. «Особые меры безопасности», – как выразился один из них. Я позвонил М., и он быстро спустился вниз, размахивая каким-то листочком с подписью и печатью. Ребята не стали вчитываться и пропустили меня внутрь.

– Как тебе это удалось? – спросил я, поднимаясь вслед за М. на третий этаж, где располагался штаб объединенной следственной группы.

– Я хоть и не главный в деле, но всё ещё старший следователь, – ответил М. Он выглядел лучше, чем в последние пару дней: переоделся, побрился и принял душ. Но привычной расслабленности не было, ощущалось сильное внутренне напряжение. – Спасибо за деньги, – не оборачиваясь, продолжая шагать через ступеньку, добавил он. Я забыл упомянуть, что ещё ночью переслал ему требуемую сумму.

Мы зашли в большой зал с квадратными колоннами, утопающими в подвесном потолке, посередине которого был подвешен цифровой проектор, направленный на стену, где покоилось свёрнутое в данный момент бумажное полотно. По бокам от него стояли широкоформатные магнитные доски, увешанные фотографиями и распечатками документов. Здесь же, в центре комнаты, ориентируясь на полотно с досками, словно на алтарь в церкви, стояли ряды пустующих стульев. Служба ещё не началась. В открытом пространстве по периметру комнаты расположились многочисленные рабочие места, заваленные бумагами так, что едва виднелись клавиатуры. Часть помещений было отгорожено стеклянными стенами, в том числе, и небольшой кабинет М. Народ с чашками кофе и угрюмыми лицами неторопливо стягивался к утреннему брифингу. Алиса Ян уже была здесь, она сидела за одним из свободных столов и сжимала в руках несколько распечатанных листочков, пристально изучая их содержимое – вчера я так и не дождался её отчёта.

Не успел М. предложить мне чая у себя в кабинете, как в зал, словно ураган, ворвался шеф с короткими седыми волосами и аккуратно подстриженными усами, на его плотном теле с трудом сходилась форма. Он остановился, как вкопанный, сразу на входе, осматривая свои владения. Сотрудники не сразу его заметили, продолжая сонно собираться с мыслями. Его взгляд остановился на мне и М.

– М., ко мне в кабинет! – рявкнул он, посмотрев на часы, на которых было без десяти минут восемь.

Брат хмуро прикусил нижнюю губу и последовал за начальником – его кабинет был рядом. Я прошёл за ними и остановился под дверью.

– Что у нас за проходной двор, блядь?! Чтоб лишних людей всех отсюда убрал! По спискам будем на брифинги теперь ходить, сука! – с места в карьер начал шеф.

– Лишних здесь нет, Евгений Викторович.

– Ты что, бля, меня за дурака держишь, М.? – я представил, как он прищурил свой взгляд, испытующе глядя на брата.

– Никак нет, товарищ полковник.

– Ты мне тут, на хуй, без этого давай. Я твоего брата сразу узнал, что он тут делает?

– Евгений Викторович, он вносит неоценимый вклад, я его официально прикрепил в качестве гражданского консультанта.

– Какой на хуй вклад? Тебе чего мало психички этой? До хера уже вклада внесла? Ты скажи мне, М., может, и оклад вам на троих поделить?

– Алиса Ян сегодня представит психологический портрет преступника, её, между прочим, рекомендовал Ваш товарищ – Сергей Георгиевич, зам. начальника пятого участка.

– Ну хер бы с ней, но ты мне зубы не заговаривай, что здесь, бля, твой брат забыл?

– Это его была идея дела объединить, – пошёл ва-банк М.

– Чего бля?! Это с каких он пор прикреплён у тебя? А я-то думаю, лишь бы не мои слили в газеты, а тут такое. Ты что, на отстранение нарываешься?

– Никак нет. Прикрепил ещё до объединения.

– Кто подписал?

– Вас и Алексея Ивановича не было в тот день, я врио¹² был, подписал сам.

– На воре и шапка горит. Ну ты даёшь... – тяжело вздохнул начальник. – Родственника к делу подтянул, ещё и его идеи за свои выдавал. После совещания копию мне на стол – это, во-первых. А во-вторых, ты пойми: сейчас за нами пристальное внимание, бля, под микроскопом дерьмо в твоих штанах найдут и в моих заодно.

– Понял, Евгений Викторович.

– Ни хуя ты не понял. Брата своего держи в узде, а то он у тебя... – шеф подбирал слова, – горе пережил. Так, собирай народ, сейчас подойду.

Я ретировался от двери, чтоб не столкнуться с М. Тот, выходя, надул щёки и покачал головой. Мы вернулись в зал для совещаний, народ уже начал занимать стулья, Алиса устроилась на последнем ряду, рядом с ней было свободное место, я присел. М. направился к доске и командным голосом позвал всех на брифинг.

– Привет, – сказал я Алисе вполголоса.

– Здравствуй, – ответила она сосредоточенно. – Всё-таки пришёл?

– Пришлось дорого за это заплатить, – усмехнулся я. – Не получил твой отчёт.

– Закончила его только утром, думала, прислать после доклада на случай, если будут ценные замечания и корректировки.

– Сомневаюсь...

В зал вошёл шеф и проследовал к доске, начиная говорить ещё на ходу:

– Так, сегодня к пятнадцати у нас должен быть подозреваемый или, блядь, хотя бы что-то, кроме соплей и домыслов. Дайте фактов, за которые можно зацепиться. Свидетеля нормального, а не пиздюка-наркомана, который в штаны навалил и что-то там видел. Машину конкретную с номерами. Фоторобот хоть высрете, работайте! Если увижу кого, хуи пинающим, – будете месяц дежурить. И должен быть годный доклад в бумаге, ясно? – вялое мычание в ответ. – Давай, М., послушаем, – он уселся в первый ряд.

Брат начал сухое изложение уже известных мне фактов. После зачитал заключение судмедэксперта по последней жертве – ничего нового. Протоколы опросов свидетелей – подростков с завода и отца, не вносили ясности, сегодня ещё требовалось опросить одноклассников и учителей. Она любила прогуляться по Озёрному парку после занятий в школе. Прочёсывание лесополосы продолжалось: новых улик, места нападения и убийства не было найдено. М. озвучил идею с арендой авто и просмотром архивных видео после дат совершения преступлений, если таковые, конечно, сохранились. Он сообщил, что до полудня айтишники обещают подготовить отчёт о социальных сетях с добавлением аналитики по новой жертве. Также доложил, что серое Volvo пока не было обнаружено – вчера, ближе к вечеру, когда общественный резонанс докатился до прокурорских кабинетов, машину всё же объявили в розыск.

– Доклад закончил и предлагаю послушать психолога и гражданского консультанта...

¹² Временно исполняющий обязанности

– Погоди, – шеф встал. – Из толкового пока только работа по машинам. Так, Свистунов, бери двоих, отрабатываете эту тему. Чтоб, не отрываясь на обед, сидели и смотрели в эти записи. М., берешь людей и звоните, бля, во все салоны в городе, ищем Volvo в аренде. К часу жду у себя в кабинете с докладом, заодно этих айтишников-хуишников тоже послушаем. Солодов, что по горячей линии? – обратился он к худосочному лейтенанту.

– Ничего стоящего, товарищ полковник, – встав, сообщил служивый.

– Ясно. Ну что там наука говорит, – шеф посмотрел на задний ряд.

Алиса встала и направилась к доске, словно старшеклассница в форме, одетая в строгий чёрный костюм, поверх белой рубашки.

– Психологический портрет серийного убийцы, – начала Алиса, продолжая смотреть в свои листочки. – Первое. Пол: мужской...

– Ну это мы и сами догадались, – раздался чей-то смешок. – Алиса сделала небольшую паузу и смерила шутника строгим взглядом из-под очков.

– А ну-ка, бля, отставить балаган! – рявкнул начальник.

– Второе. Возраст: от тридцати пяти до пятидесяти пяти лет... – продолжила Ян.

– Так, стоп, а тут уж у меня вопрос, – закричал шеф, недовольно хмурясь. – Это откуда такие факты?

– Я попрошу Вас дослушать до конца, а потом задавать вопросы, – строго ответила Алиса, от чего по залу пробежали охання. Начальник посмотрел на аудиторию, почесал усы, сделал удивлённое лицо, скривившись в обратной улыбке, и сказал:

– Ну что ж, продолжайте.

– Третье. Рост: от ста семидесяти пяти до ста девяносто сантиметров. Крепкого телосложения, – невозмутимо продолжила Ян. – Четвёртое. Образование: среднее специальное или высшее. Пятое. Работа: возможно, уволен, работал или работает инженером, техником, программистом или на иной работе, не требующей тесного социального контакта. Имеются сбережения, – в толпе стало заметно тише, но всё ещё раздавались удивлённые перешёптывания. – Шестое. Место жительства: местный, хорошо знает город. Седьмое. Семейное положение: женат, вероятно, имеет уже взрослых детей, либо разведён. Восьмое. Отношения с членами семьи: холодные, скорее всего уже в разводе, обижен на жену и детей, которые выбрали мать (если они есть). Отношения с собственными родителями: властная мать, вероятно, религиозная строгая семья с практикой телесных наказаний. Воспитывался в основном матерью. Девятое. Социальные связи: слабо развиты, друзей нет или их мало. Отношения с ними поверхностны. Вероятно, отчуждение от социума с раннего возраста, например, из-за замкнутой семьи. Десятое. Темперамент: флегматичный, с редкими холерическими приступами во время убийств. Одиннадцатое. Характер: автический – ведёт замкнутый образ жизни, ограничены интересы, на контакт не идёт, и психастенический – тревожен, сомневается в собственных силах, застенчивый, педантичный, – на этом месте некоторых уже поклонило в сон. Шеф, насупившись, внимательно слушал. М. что-то листал в телефоне. – Двенадцатое. Психосоматика: годами накапливались негативные бессознательные переживания, которые в основном носят скрытый характер. Он их не осознавал до определённого события – испытал сильный стресс в недавнем прошлом, что могло послужить триггером к началу убийств. Например, потеря работы или уход жены с детьми. Психологическое расстройство личности не установлено, – тут народ невольно зашумел. – Убийца осознаёт противоправность своих действий. Но психопатия личности может развиваться из-за претерпеваемой им трансформации, в том числе, выраженной в развитии фантазий, что можно наблюдать в созданной им сцене убийства пятой жертвы. При этом у него средне выраженная «маска нормальности» – он неприметен в обществе, могут быть некоторые странности в поведении, но при желании едва ли отличается от остальных жителей города...

– Да уж, – буркнул тучный лысоватый мужик, сидящий справа от меня. Алиса продолжала:

– Тринадцать. Не стремится к множественным контактам, но при необходимости устанавливает контакт без особых проблем, хотя и является замкнутым типом личности. Любит наблюдать со стороны. С жертвами в процессе убийства скорее всего не разговаривал, но мог контактировать с ними до этого. Контакты, вероятно, носили незначительный характер. Четырнадцать. Прочие характеристики личности: лживость, нарциссизм, мстительность, властолюбие и одержимость контролем от глубокой неуверенности в себе. Пятнадцать. Тип серийного убийцы: смесь «упорного» и «демонстративного» типа. «Упорный» выражается в стремлении к повышению общественной значимости, честолюбию, восприимчивости, злопамятности, накоплению обид, что демонстрируется в его мстительной позиции к матери, жене или ребенку. «Демонстративный» тип проявляется в желании быть в центре внимания, особо выражен с пятой жертвой, но и до этого: все места преступления – известные парки в черте города. Высоко себя ценит, считает недооцененным, хочет добиться признания, легко и охотно идет на ложь. Но лишён присущей этому типу необдуманности поступков. Шестнадцать. Потребности и мотивы: реализация фантазий, в том числе, сексуальных. Желание удовлетворить потребность в контроле, подчинении, овладении. Вероятная импотенция...

– Прямо по Фрейду, – сказал молодой полицейский своему товарищу.

– Возможно, мстит женщинам, подразумевая мать, жену или дочь. Не может остановиться или совершить суицид, так как испытывает страх смерти, также связанный с собственными грехами и наказанием в виде ада. Он хочет доминировать. Взять разваливающуюся жизнь под контроль. В жертвах видел что-то близкое себе: жена в молодости или дочь. Он тщательно их выбирал: все очень похоже – определенный тип. Возможно, наблюдается элемент их спасения. Семнадцать. Классификация по мотиву: «Тиран или властолюбец». Убивает, чтобы почувствовать своё превосходство над жертвой. Данный тип серийных убийц обладает низкой самооценкой. В детстве с высокой вероятностью они подвергались насилию, например, телесным наказаниям в религиозной семье. Но добавлю и классификацию по мотиву: «Миссионер», проявившуюся особенно в последнем случае. Убивая, он преследует цель. Сцена с пятой жертвой говорит нам о христианском мотиве очищения. Он производит своего рода ритуал очищения не только тела, но и души. «Гедонический» тип по мотиву проявляется в возбуждении при совершении убийства: задушении, наблюдении за смертью жертвы глаза в глаза и в актах мастурбации после...

– А мы что сперму нашли? – спросил один коп другого.

– Восемнадцать. Модель убийств демонстрирует хорошую подготовку и продуманность. От первой до последней жертвы наблюдается прогресс. Увеличивается частота убийств и, скорее всего, продолжит расти, так как фантазии поглощают его, распад социальной личности усиливается, желание нарастает, и он получает обратный эффект: контроль над собой снижается. Девятнадцать. Постпреступное поведение: замечает следы, педантично избавляется от улик, может возвращаться на места преступления или задерживаться на них. Вероятно, мастурбирует с использованием презерватива, но испытывает сильное чувство стыда за содеянное. Раскаивается в совершенных деяниях.

– Ах, вот оно что, пробурчал всё тот же полисмен.

– Двадцать. Прочие замечания: правша – повреждения шеи жертв с правой стороны более выражены; водит автомобиль – использует его, чтобы следить за жертвами или перемещать их, как в случае пятой жертвы; носит кожаные перчатки; использует шарф или иную ткань, принесенную с собой, начиная со второго убийства. Возможно, обозначенная следствием, как первая, не является в действительности первой жертвой. Рекомендуется проверить архивы, – Ян закончила и посмотрела в скучающий зал.

– Что ж. Это было весьма познавательно, – вставая, сказал Евгений Викторович. – Все за работу! М., ко мне в кабинет.

– Подождите у меня в коморке, – обратился к нам с Алисой брат и последовал за шефом.

Народ зашевелился и рассосался в разные стороны, выполняя указания начальства. Я подошёл к магнитным доскам: на одной из них была прикреплена карта города с отметками в пяти местах. Ян, глядя на карту, сказала с небольшой досадой в голосе:

– Не включила в свой анализ выводы по географии убийств.

– Тут особо ничего и не скажешь, – ответил я, почесав затылок. – Разве что, последняя жертва больно выбивается.

– Что заставило его ехать туда? – задумчиво прошептала Алиса.

– Может быть, усиление роли «миссионерского» мотива? – Ян посмотрела на меня вопросительно. – Первые четыре девушки из приличных семей, хороших районов, – я обвёл пальцем соответствующие отметки на карте. – А последняя из неблагополучного, матери нет, отец алкоголик. Убийца специально искал жертву именно там, среди, по его мнению, заблудших душ.

– Но выбрал лучшую из них, – сказала Алиса, взглянув на портрет девочки, прикрепленный рядом.

– Похоже решила внешность.

– Думаю, дело не только в этом, – сказала Алиса, прикусив губу, видимо, она так делает, когда сильно задумывается. – Мне всё больше начинает казаться, что он ищет в них свою дочь.

– Он испытывал сексуальное влечение к собственной дочери?

– Да. Тут возможны два варианта: он приставал к ней, об этом узнала мать и забрала дочь, или дочь отвечала ему взаимностью, но позже их порочный союз был разрушен.

– А может быть такое, что они ещё не расстались, он лишь фантазирует о собственной дочери. Эти мысли привели его к тому, что он ищет их воплощения вне дома?

– Такое вероятно, но в этом сценарии нет потрясения – повода к началу убийств. Хотя таким поводом могло послужить и нечто другое.

– Петров, – я увидел знакомое лицо и обратился к нему, – подскажи, вы проверили реестр сексуальных преступников, педофилов?

– Вряд ли он найдётся в этом реестре, – ответила вперёд Петрова Алиса.

– Проверяли, но у нас нет толковой ориентировки. Не было... – он покосился в сторону Ян.

– Ты не сомневайся, добавь новые критерии, – заметил его сомнения я.

– Да там одни маргиналы, а вы тут нарисовали портрет добропорядочного гражданина. Пару персонажей из списка выбрали, у них нет алиби, в том числе на вчерашнее убийство – распечатки у М. на столе, но предварительный допрос ничего не дал.

– Пойдём, взглянем, – сказал я Алисе и направился в кабинет М.

Это было временное пристанище в рабочей зоне оперативного штаба. Небольшое унылое помещение с прозрачными стенами и единственным окном, выходящим на парковку. Никаких личных вещей, исключительно рабочая обстановка: стол завален бумагами. Сверху кучи удачным образом лежали распечатки досье на отобранных сексуальных преступников. Я взял одно из них, другое передал Ян. Мой был ранее судим за мелкое хулиганство и кражу, отсидел пару лет, затем вторая отсидка шесть лет за попытку изнасилования восемнадцатилетней девушки в парке. Вышел по условно-досрочному освобождению, устроился в шиномонтаж. Двадцать восемь лет, закончил девять классов, рост 173 сантиметра, автомобилем не владеет.

– Мой, очевидно, мимо, – сказал я, протягивая папку Алисе.

– Мой тоже, – ответила она, делая рокировку.

Второй персонаж был схож с первым, к тому же наркоман со стажем. Я вернул досье на место и внимательнее прошёлся взглядом по бумагам М. В отдельной стопке, в лотке, лежали прочие дела. Сверху списка была папка с подписью от руки: «Кровавый амбар». Я полюбопыт-

становал и заглянул внутрь: стопка жутких фотографий с места убийства в загородном деревянном амбаре у пшеничного поля, зеленые ростки которого только начали набирать силу. Калейдоскоп кровавого ужаса, способный опорожнить слабый желудок. Части тел двух человек. Мне стало не по себе, и я поспешил закрыть папку.

Внезапно зашёл М., так что мы невольно вздрогнули.

– Хорошая работа, Ян, но шеф не выпустит эту ориентировку.

– Почему? – спросил я вместо Алисы, которая ничуть не удивилась.

– Слишком экстравагантно, его мировоззрение пока не готово к такому – бывший военный, – пожал плечами М.

– Взглянули на ваших подозреваемых... – начал я.

– Это не подозреваемые и вряд ли ими станут, по крайней мере по этому делу, – перебил меня М. и обратился к Алисе: – Ваше описание действительно хорошее, – как будто оправдываясь за начальство, говорил он, – но пока его на хлеб не намажешь: тысячи людей подходят. Да и общего параметрического реестра на всех жителей города у нас нет, а жаль.

– Вы за всесторонний контроль правоохранительных органов? – спросила Алиса.

– Отнюдь, – М. покосился в мою сторону, видимо, припоминая детали вчерашней исповеди, – но это бы сильно облегчило работу.

– Для начала хорошо бы вести подробный учёт сексуальных преступников с отдельным разделом педофилов, с указанием их текущего места проживания и работы, – сказала Алиса.

– Ты не думаешь, что тогда народ будет вершить самосуд? – спросил я.

– Огородить детей от больных важнее, нежели теоретическая угроза жизни для сексуальных маньяков.

– Я бы с радостью продолжил вести с вами светскую беседу, но пора работать, если в деле не будет существенного продвижения, меня ждёт экзекуция, – сказал М.

– За нас не переживай, мы найдём, чем заняться, – ответил я.

Брат вышел из кабинета, чтобы приступить к обзвону прокатов авто вместе с остальными.

– Я проголодалась, мне срочно нужен второй завтрак, – сказала Алиса. – Ты со мной?

Я представил кучу репортеров, которые собрались дежурить у участка весь день, и поморщился. Но желудок и правда отвлекал мозг своей пустотой, поэтому согласился.

– Я знаю здесь одно хорошее местечко неподалеку, – сказала Ян, оставив психологический портрет Х. на столе М.

* * *

На улице было солнечно и тепло, удивительно приятное апрельское воскресное утро. Репортёры рассосались, а оставшиеся потеряли бдительность, либо получили установку вылавливать только крупную рыбу. Мы с лёгкостью покинули участок, направившись по одной из узких улочек центрального района. Старые дома обступали нас с обеих сторон, нависая потрескавшимися балкончиками. Эти улицы раньше были хорошо мне знакомы, мы с О. исходили их вдоль и поперёк, но в последние пять лет я редко выбирался из своей берлоги, только по делу. Все эти дома, повороты и углы стали стираться в памяти, и заведение, в которое привела нас Алиса Ян, было мне незнакомо. Это был небольшой китайский ресторанчик с привычными красными фонарями, длинной стойкой, сидя за которой можно было наблюдать, как тебе готовят, и отдельными столиками с уютными диванчиками с высокими спинками, защищающими вас от взгляда других посетителей. Мы уселись за один из таких, заведение только открылось, других посетителей не было. В зале негромко играли традиционные китайские мелодии. К нам подошла миловидная миниатюрная девушка в красно-чёрном прилегающем платье и предложила меню.

– Курицу «Ла Ци Ди»¹³, – не разглядывая меню, выпалила Алиса. – Очень советую, – обратилась она ко мне. – Креветки «Гунбао»¹⁴ и чайник чёрного чая с имбирем, пожалуйста.

– Две порции курицы, – сказал я с улыбкой, возвращая меню, так и не заглянув внутрь. Девушка откланялась и оставила нас одних.

– У тебя хороший аппетит, – заметил я.

– Не могу думать на пустой желудок. Вообще, я не фанат китайской кухни, но здесь отличные, большие порции, – сказала Ян и, сняв очки, протёрла глаза.

– Как думаешь, сколько у нас есть времени, пока он не найдёт следующую жертву? – мне всё время хотелось вернуться к обсуждению дела.

– Я бы сказала, пару недель, но теперь дело предано огласке – это может существенным образом на него повлиять. Если победит его скрытная, пугливая натура, то он может сделать паузу в несколько месяцев, пока всё не уляжется, а если всё-таки возобладают фантазии, к чему я больше склоняюсь, то стоит ожидать в скором времени, – Алиса вернула очки на место. – Ты ведь общался с родителями жертв?

– Да, но только с двумя семьями, кроме своих нанимателей. Родители третьей девушки отказались – устали от допросов полиции. Но я читал материалы дела.

– Получилось узнать что-то кроме того, что и так в деле? Зачастую, люди могут рассказать обычному человеку иную историю, нежели полицейскому.

– Боюсь, что нет. Они всё-таки воспринимают меня, как детектива, пусть и частного.

– Отцы семейства не вызвали у тебя подозрений? – прищурившись, спросила Алиса.

– Нет, я думал о такой возможности, особенно насчёт первой жертвы. Может быть, он начал со своей дочери, а затем переключился на других. Но это не подтвердилось.

– Если, конечно, это была первая жертва... – задумчиво повторила выводы своего доклада Ян.

– Действительно, нужно порыться в архивах. Когда я просил М. поискать похожие случаи, ещё перед объединением дел, то обозначил ему пятилетний горизонт – чтобы с чего-то начать. Нужно расширить поиски...

– Почему ты на самом деле занимаешься этим? – неожиданно спросила Алиса, ей в отличие от меня, видимо, не хотелось заикливаться на деле.

– Иногда хорошо платят, – уклончиво ответил я и сразу почувствовал неприязнь к самому себе.

Алиса молчала и чересчур внимательно меня разглядывала, так что стало неловко. Ситуацию спас стеклянный пузатый чайник, внутри которого плавали корешки имбиря. Его вынесли на деревянной подставке с двумя маленькими чашками.

– Ещё не заварился, лучше подождать, – сказала она, увидев, как я суетливо пытаюсь схватиться за чашку.

Меня накрыло доверительное ощущение спокойствия, на самом деле, я не хотел от неё что-то скрывать.

– Моя жена пропала пять лет назад – это привело меня в детективы, – рассказал я короткую версию.

– Как её зовут?

– О., – к моему горлу подступил ком. – Пойду помою руки.

Встав из-за стола, я направился в туалет, умыв лицо руками, посмотрел на себя в зеркало. Когда последний раз я чувствовал удовлетворение, разглядывая своё отражение?

Дверь в туалет открылась – это была Алиса. Я удивлённо посмотрел на неё, с глупой улыбкой на устах. Она решительно подошла и, обняв моё лицо тёплыми ладонями, поцеловала

¹³ Очень острая курица с орешками.

¹⁴ Блюдо сычуаньской кухни, в котором креветки готовятся с острым перцем, луком и арахисом

в губы. Я замер как истукан, не ответив ей встречным движением. Алиса отклонила голову и, проведя пальцами по коротко стриженным волосам на моём затылке, сказала:

– А теперь пошли есть.

Она вернулась в зал, а я поплёлся за ней следом. Ещё одним плюсом китайских ресторанов была быстрая готовка – еда уже была на столе. Ян разлила чай по кружкам и призывно постукивала палочками. Я сел на своё место и теперь уже с окончательно тупой улыбкой посмотрел на неё. Но она, как ни в чём не бывало, принялась за свою курицу «Ла Ци Ди».

– Осторожно, она острая, – причмокивая, сказала Алиса.

– Эта та самая ситуация, к обсуждению которой мы больше никогда не вернёмся?

– Если захочешь – вернёмся, но точно не сейчас, – она ловко ухватила палочками кусочек курицы.

Я принялся за еду, чёртова «Ла Ци Ди» жгла огнём, заставив мои глаза слезиться, что позабавило Ян.

– Горячо для второго завтрака, – попытался отдышаться я.

– Прости, зато острая еда сделает тебя стрессоустойчивым и эмоционально открытым.

– Это ещё почему?

– Ну разве неустойчивый человек вынесет этот ад? Острая пища закаляет.

– А что там насчёт эмоциональной составляющей? – я попросил воды и жадно её глотал.

– Острая пища – сильное впечатление, открывает новые горизонты.

– Новые горизонты в туалете, кажется, теперь обеспечены, – усмехнулся я.

Алиса рассмеялась и выронила креветку, не донеся её до пункта назначения – та удачно приземлилась в тарелку. В приятном настроении впервые за долгое время, мы закончили трапезу. Мне удалось отвлечься от вереницы однообразных мыслей, бегающих в голове по нескольким замкнутым контурам.

– Теперь я готова работать, – сказала Алиса, выходя на улицу. – Я направляюсь в архив.

– Ты в курсе, что все дела до сих пор хранятся только в бумаге?

– Да, но я люблю копаться в старых записях.

– А ты как к этому пришла? – теперь я созрел для личного вопроса.

– Если станем друзьями – расскажу, но особо не рассчитывай, друзей у меня нет, – безэмоционально ответила Алиса. Я не мог понять, шутит она или нет.

* * *

В участке кипела работа, М. с коллегами сидел на телефоне, что-то записывая в блокнот и тут же перенося в компьютер. Телефон горячей линии всюду трещал. В газетах вышли новые статьи под громкими заголовками вроде: «Лесник наносит новый удар!», «Берегите своих детей, новая жертва маньяка – шестнадцатилетняя девочка». Или на тему реакции известных личностей: «Патриарх помолится за души убитых», «Глава сталелитейного концерна – кандидат в мэры обвинил текущее руководство города в разгуле преступности».

– Хорошо бы кого-то посадить за пролистывание комментариев в интернет-изданиях, может быть, наш убийца как-то проявится там? – предположил я, следуя за стажёром, которому велели проводить нас в архив, расположенный на первом этаже.

– Маловероятно, – со скепсисом в голосе ответила Алиса.

В архиве нас повстречала полная пожилая женщина, она не отличалась приветливостью и, выслушав наши пожелания, закатила глаза.

– Так, у меня скоро обед, – на часах было без четверти одиннадцать. – Если вам надо – сами ищите, но чтобы все дела потом на место поставили, у меня тут порядок! И запишитесь в журнал. Если захотите что-то забрать, в этом столбце, – она ткнула толстым пальцем в таблицу, – укажите номер дела.

– Подскажите хотя бы, где примерно искать? – спросил я, окинув взглядом длинные ряды стеллажей, от пола до потолка заваленных коробками.

– На каждой полке бирки приклеены, годы указаны, разберётесь, – отмахнулась архивариус.

Переглянувшись с Алисой Ян, решили разделить и начать поиски. Брали горизонт до десяти лет, благо на каждой коробке помимо номера была наклеена бумажка с краткой аннотацией преступлений. Это помещение архива было полностью отведено под нераскрытые дела – сотни убитых, за каждым из которых душегуб, не получивший справедливого наказания. Мы заняли коробками два стола, доступных здесь для работы, отобрав дюжину дел. Не успели приступить к просмотру содержимого, мой телефон зазвонил – М. сообщил про зацепку по Volvo. Алиса предпочла остаться внизу, наедине с множеством страшных фотографий, грозящих заползти в ваши ночные кошмары.

Я быстро поднялся наверх.

– Подойди! – замахал мне брат. – Эту Volvo ты видел у завода? – он показал на экран монитора, где была фотография подходящей машины.

– Не могу точно сказать, но цвет похож.

– А эта? – он открыл другую фотографию.

– Да ты и сам видишь – они идентичны, – развёл я руки в стороны.

– Мы почти всех обзвонили. Эти две из разных салонов, до сих пор в аренде, остальные вернули до позавчерашнего вечера. Пришлось туда сгонять с постановлением, чтобы выдали паспортные данные арендаторов, будем отрабатывать обоих. Так, народ, внимание! У нас есть двое подозреваемых, но пока без оснований. Поэтому без резких движений, аккуратно, пригласим их на разговор в участок. Наш первый клиент: Николай Костеров, двадцать шесть лет, проживает по адресу: С., улица Почтовая, дом 7, квартира 1544. Второй: Александр Семёнов, сорок семь лет, проживает по адресу: С., улица Шпалерная, дом 80, квартира 32.

– А если откажутся проехать? – спросил молодой сержант.

– Побеседуем на месте, некогда разжёвывать, – М. посмотрел на часы. – Я беру Костерова, со мной Петров. Михалыч, на тебе Семёнов, возьми молодого, – М. имел в виду любопытного сержанта. – Пусть поучится. Никонов, найди всё, что есть на этих ребят, и сразу сообщай.

– Так точно, товарищ капитан, – отрапортовал младший лейтенант.

Брат и трое других полицейских поспешили по известным адресам. Я сел рядом с Никоновым, который начал пробивать по различным базам данных подозреваемых. У Костерова оказался привод за киберпреступление – он своровал личные данные пользователей одного из известных приложений и пытался их продать, за что получил штраф. Сведения о его текущем и прошлом местах работы отсутствовали. Холост, родом из провинции, прописан в однокомнатной квартире, в ней же, вероятно, и проживает, так как был задержан по этому адресу полтора года назад.

Семёнов приводов не имел, женат, двое детей: девочка семнадцати и мальчик четырнадцати лет. Работает электромонтёром железнодорожных путей, имеет среднее специальное образование. Проживает там же, где прописан – на это указывает привязка к поликлинике по месту жительства. Младший лейтенант быстро сообщил все полученные сведения двум группам, отправившимся по указанным адресам. Я представил, как М. жмёт педаль в пол, пытаясь успеть привезти подозреваемых к назначенному начальством времени. Но дело было не только в попытке выслужиться или не получить по шапке, я верил, что он действительно хочет раскрыть дело и призвать убийцу к ответу.

В зал вошёл кудрявый молодой человек без формы, в руках у него была распечатка, он остановился посередине комнаты и начал искать кого-то глазами. Я подошёл к нему и спросил:

– Кого-то ищете?

– Отчёт по социальным сетям и прочей интернет-активности для старшего следователя.

– Я ему передам, – я протянул руку, и парень без сомнений отдал мне скрепленные бумаги.

Я сел за свободный стол и принялся читать многостраничный документ: в нём были списки всех, кто посещал страницы жертв в социальных сетях с указанием количества заходов, лайков и прочей активности с временными метками. Отдельно были выделены боты и те, кто использовал VPN, с пометкой в выводах о том, что возможно определить только факт использования VPN, но не истинный ip-адрес, с которого запускался сервис. По каждой странице бота были представлены отчёты со скриншотами: искусственно сгенерированные никнеймы и картинки вместо фото – пустые болванчики. Боты были зарегистрированы на так называемые «серые» номера телефона, полученные без предоставления паспортных данных. Далее следовала перекрестная аналитика: одинаковые боты не посещали хотя бы пару из пяти страниц, при этом профили двух первых жертв посещали два разных бота, использующие один и тот же VPN-сервер, остальные три аккаунта посещали боты с разных серверов. Он оставил цифровые следы, но, как и физические, сделал их неузнаваемыми. Разные отпечатки обуви, разные автомобили, разные боты и серверы. Отчёт был подписан: «Старший лейтенант отдела информационной безопасности полиции П.А. Фролов», в левом нижнем углу страницы был указан местный номер – я набрал с внутреннего телефона.

– Аю, – раздалось в трубке.

– Здравствуйте, мне старшего лейтенанта Фролова, пожалуйста.

– Я слушаю.

– Мы почитали Ваш отчёт, есть пара вопросов. Можно ли как-то всё-таки узнать, кто использовал все эти VPN-серверы, например, запросить данные интернет-провайдеров города.

– По решению прокурора имеем право запросить у всех провайдеров расшифровки по трафику, тогда теоретически можно попробовать определить, кто использует зашифрованные сервера, но, боюсь, список таких пользователей будет обширным, нынче куча народа ими пользуется.

– Мы бы тогда смогли сравнить эти списки с теми серверами, которые есть в вашем отчёте, отсеяв пользователей по времени использования, совпадающем с временем посещения страниц жертв.

– Теоретически могли бы, – явно сомневающимся голосом сказал Фролов, – но есть вероятность, что он использовал мобильный интернет, если это вообще был он.

– По мобильному интернету, так понимаю, тоже можно всё запросить и сразу получить данные абонента?

– Ну, можно, – лаконично ответил собеседник. – А с кем я вообще разговариваю? – опомнился старший лейтенант отдела информационной безопасности.

Чувствовалось, что он усиленно придерживается собственных выводов в отчёте, а они гласили: «Факт посещения страниц жертв одним пользователем не подтверждён. Определить конкретного пользователя VPN-серверов или интернет-бота для сбора данных из социальных сетей не представляется возможным». Единственной полезной рекомендацией было: «По решению следствия, запросить местоположение телефонов, на которых зарегистрированы отслеживаемые боты». Я повесил трубку, оставив Фролова без ответа, и передал отчёт Николу со словами: «Обязательно запросите местоположение телефонов по указанным там номерам».

Тем временем одного из подозреваемых уже везли в участок, нужно было провести их мимо репортёров незамеченными. Для этого проверили, что у запасного входа не дежурят репортёры. Запросто можно было получить снимок в одну из газет с очередным дебильным заголовком, что сулило проблемами для вероятно невиновного человека и его родных.

Я подошёл к ребятам, продолжающим работать по видео с камер, они кропотливо составляли списки всех машин в кадрах, перепроверяя и дополняя ранее полученные. Ещё утром я передал им распечатку со своими наблюдениями.

- Как дела? – спросил я.
- Пока никак, – хмуро ответил старший группы Свистунов.
- Получили данные по записям после убийств?
- Поехали забирать, но только по предпоследнему, остальные уже удалены.
- А что с заводом и лесопарком Озёрный?
- Там вообще камер нет, те, что были когда-то, давно посшибали местные обрыганы.
- А на подъездных дорогах?
- Составили список, ждём записи.

Я как инородный предмет не вписывался в местный микроклимат, но для частного детектива – это привычные ощущения. Люди, как правило, не любят, по их мнению, лишние вопросы и тех, кто суёт свой нос куда ни попадя. К тому же, мало кто здесь без доли презрения относился к частным детективам, для них я был всего лишь гражданским, закончившим восемнадцатинедельные курсы.

На обед никто не отвлекался, ели на рабочих местах или на ходу, запивая кофе из автомата на первом этаже. Была подготовлена допросная комната, буквально недавно её оборудовали современными аудио и видео записывающими устройствами, а также непрозрачным стеклом, выходящим в соседний кабинет. Я понимал, что участвовать в допросе мне никто не позволит, но я хотя бы мог всё видеть и слышать.

Первым доставили Семёнова – сорокасемилетнего семьянина. С ним в допросной устроился Михалыч, который его и привёз. Он был опытным майором полиции, но, несмотря на старшинство по званию, находился у М. в подчинении. Я позвонил Алисе, которая всё ещё была в архиве, нам с ней разрешили устроиться за непроницаемым стеклом.

- Вы не против, мы будем записывать аудио и видео? – спросил майор.
- Не против, – пожал плечами мужчина. Он был невысокого роста, лысоватый, в потёртой куртке, поверх вязаного свитера, на ногах джинсы и ботинки на высокой подошве.
- Хотите воды?
- Нет, спасибо.

– Александр Иванович, подскажите, вы арендовали в прокате машин «Прокатисто» серый Volvo 850 R, номерной знак А 3123 ВС 69? – Михалыч достал из заранее подготовленной папки распечатку фото выше озвученного автомобиля и положил её перед Семёновым.

– Ну я, – мужчина держался скованно и, казалось, испытывал неподдельное удивление. – Моя машина сломалась, а я на рыбалку планировал поехать, хотел отложить, но жена говорит, поезжай, отдохни, а то в последнее время много смен на работе брал. Вот я и взял этот Volvo – машина хоть и старенькая, но надёжная. А прокат этот он у меня по дороге с работы просто, каждый день там проезжаю, вот и подумал...

- Где вы были пятого апреля текущего года?
- Так вот, как раз выходной у меня был, с раннего утра поехал в Заречье, взял палатку, удочки, вернулся вчера вечером.
- Вы ездили один?
- На самом деле, хотел Петю взять с собой – сына моего, но он не любит это дело, хер от компьютера его оттащить, – с искренним негодованием выругался мужик.
- То есть вы были один?
- Да, один, а что такое-то?
- А во сколько точно вы выехали?
- В восемь с копейками, дети только в школу ушли, я и поехал.
- Попробуйте вспомнить, где вы были шестого марта этого года?

Семёнов почесал затылок, на котором ещё оставались волосы.

– Ну пятого день рождения у товарища был, – подумав, сказал Семёнов. – А шестого, значит, на смену вышел, помню, как тяжело было, сколько лет живу, всё не научусь, что водку с пивом нельзя мешать.

– Это точно не наш клиент, – сказала Алиса, не сводя глаз с допрашиваемого.

– Его слова легко будет проверить, – отозвался я.

– Дело не в алиби, он не подходит под профиль.

– А что насчёт одиннадцатого ноября прошлого года? – невозмутимо продолжал майор.

– Да откуда мне знать?! – начал негодовать Александр Иванович.

– Постарайтесь припомнить – это значительным образом поможет следствию.

– Напиши, когда привезут следующего, я назад в архив, – сказала Алиса и вышла из комнаты.

Семёнов не смог вспомнить о других датах, то ли работал, то ли отсыпался дома после смены. Майор попросил его ещё немного задержаться, а сам вышел из допросной.

– Проверить все показания срочно, подержим его пока тут, – скомандовал он младшим по званию. – Ну что, похоже первый промах. Не тратим ли мы время зря, вся эта тема с машинами может быть полной лажей.

Без пяти минут час возник шеф.

– Где М.? Что тут у нас?

– М. на выезде, отрабатываем версию по Volvo, – сказал Михалыч.

– Где отчёт?

– Пока нечего докладывать, товарищ полковник.

– Блядь, Михалыч, вот ты поэтому, хоть и майор, но не начальник. Есть там у вас чего или нет, отчёт должен быть готов в срок! Я что утром, на хуй, как-то неясно выразился?! Садись ты пиши, раз козлёнка нашего нет. Через полчаса жду у себя в кабинете.

– И так каждый раз: косячит М., а отвечать мне, – пробормотал Михалыч вслед начальнику и сел за компьютер. – Чего писать-то? – задал он риторический вопрос сам себе.

Через полчаса майор ушёл в кабинет к начальнику, откуда через две минуты полился поток ругани. Семёнова отпустили, как только железная дорога подтвердила его рабочие смены. М. с напарником не застали дома второго подозреваемого и начали поиски через опрос соседей и всех, кто мог его знать или видеть. Причем оказалось, что он проживал в соседнем с Озёрным районе, буквально в десяти минутах езды от места жительства пятой жертвы.

Я спустился в архив. Алиса пыталась отсортировать коробки: из первых двенадцати только одна прошла стадию первичного контроля, остальные были возвращены на полки и заменены на новую порцию из десяти штук. Она сняла пиджак и засучила рукава рубашки, орудуя тонкими пальцами, перебирала страницы, словно была у себя на кухне в апарт-отеле. Почему-то именно сейчас она показалась мне красивой. Увлеченная работой, в этом пыльном архиве, заваленная бумагами, Алиса была как рыба в воде.

– Есть что-то интересное? – спросил я, подойдя и заглянув ей через плечо.

– Одно под вопросом, посмотришь? – она протянула мне папку. Я пытался понять, приятна ли ей моя компания, но сходу не смог этого сделать. Ян выглядела немного уставшей и погруженной в дело. Но что это за странные мысли – они застали меня врасплох.

Я взял старый архивный материал шестилетней давности. Девочка четырнадцати лет, светлые волосы, найдена в лесополосе на окраине города, задушена, имеется несколько травм головы, предположительно нанесённых тупым продолговатым предметом. Отпечатков не найдено, хотя убийца не использовал чистящие средства. Согласно выводам заключения, жертве нанесли как минимум два удара по голове, затем перенесли с прилегающей дороги в лес и, задушив, ровно уложили на спину, расправив платье. Она не была изнасилована. На обочине остались следы торможения, но не факт, что от автомобиля убийцы. Девочку обнаружили через

сутки в ходе кустарно организованных поисков местных жителей. По словам родственников, она возвращалась вечером из кинотеатра в городе, где была с друзьями – они часто ходили в С. пешком из пригорода, где проживали. Товарищи решили задержаться, а она пошла домой одна. Под подозрение, как это обычно и бывает, попал отец, близкие знакомые и соседи. Но отсутствовал мотив и возможность, опровергнутая алиби.

– Это может быть он, – я сел рядом с Алисой. – Но в отличие от Х., похоже на спонтанное убийство.

– Х.?

– Так их называю, пока не будут пойманы.

– Почему ты считаешь, что это произошло спонтанно?

– Он ехал мимо на машине, увидел одинокую девочку, затормозил, возможно, предложил её подвезти, она отказалась, Х. разозлился, взял монтировку, которую держал под сиденьем, и нанёс ей несколько ударов. Это был поворотный момент его жизни. Он испытал страх, но и огромное возбуждение, то, что изначально было случайностью, превратилось в закономерность. Она ещё дышала, пока он нёс её хрупкое тело в лес, где уже закончил начатое, поддавшись накрывшей его волне, – у меня застучало в висках, пока я всё это говорил.

– Могло быть и по-другому, – невозмутимо сказала Алиса. – Он проследил за ней из кинотеатра или ещё раньше, вылавливая момент уязвимого одиночества. О подготовленности убийства говорит отсутствие отпечатков. Но, впрочем, тогда бы этот мистер Х. стал ещё больше нам подходить.

Мой телефон зазвонил – М. сообщил, что взял подозреваемого, везёт его в участок и будет с минуты на минуту. Начальник уже успел вздрючить брата по телефону. Часики тикали, поэтому М. просил нас с Алисой быть за стеклом допросной, чтобы подтвердить возможность соответствия профилю.

– Пожалуй, на сегодня с меня хватит архива, – сказала Алиса, забирая наверх лишь одну коробку.

* * *

Через пятнадцать минут мы втроём стояли за стеклом. М. оставил молодого парня наедине со стаканом воды и своими тревожными мыслями – невооруженным взглядом было видно, что он нервничает: коленка дёргалась, он постукивал ногой по полу и периодически щёлкал костяшками пальцев. Брат успел бегло поблагодарить Михалыча за то, что прикрыл его перед шефом с промежуточным дневным отчётом. Но дальше было куда хуже, в 18:00 планировалось выступление начальника полиции С., и он ждал доклад от Евгения Викторовича.

– Что думаете? – спросил М. – Нашёл его в одном из местных пабов, гонял шары с какими-то доходягами. Народ у них на районе не любит трепаться. Мне показалось, он в штаны навалил с того, что мы нагрянули. Поехал без сопротивления и лишних вопросов, всю дорогу отвечал односложно.

– В ходе допроса будет яснее, – уклончиво ответила Алиса. – Но если вы спрашиваете про первое впечатление, то это весьма сложный, я бы сказала, нестабильный психологический процесс, – продолжила она академическими рассуждениями. – Очевидно, он нервничает, выражение глаз и лица указывают на неуверенность в себе и острое желание, чтобы всё поскорее закончилось. Моторные тики могут быть признаками психологических проблем или как минимум нестабильности нервной системы.

– А что там насчёт возраста?

– Да, это меня смущает, но поведенческий анализ и составление психологического портрета по почерку преступника – не точная наука.

Дверь открылась, молодой сержант занёс две папки: одну потолще с текущими убийствами, а другую потоньше – личное дело подозреваемого.

– Ну ладно, я пошёл, – сказал М. и переместился в соседнюю комнату.

– Мы будем вести запись нашего разговора, вы же не против? – спросил М., усаживаясь.

– Нет, – ответил Костеров и непроизвольно сглотнул.

Брат некоторое время молча смотрел на Николая, и тому пришлось приложить усилия, чтобы удержаться от подёргиваний ногами.

– Николай, ты ведь у нас бывал? – М. резко перешёл на «ты», затем открыл папку поменьше и принялся внимательно что-то там разглядывать, периодически покачивая головой вверх-вниз и тяжело вздыхая. – А что ты делал позавчера вечером, часиков в восемь?

Костеров уже вспотел к этому моменту, так что на его серой футболке должно быть появились тёмные следы, скрываемые спортивной курткой. Рваные джинсы и потёртые грязные кроссовки рисовали образ эдакого безработного раздолбая.

– Я... – замялся парень, – дома был.

– Один?

– Да, – нога всё-таки подвела его и начала легонько постукивать по полу.

– А чем занимался?

– М-м-м... Играл в компьютер.

М. достал из второй папки фото Volvo и положил перед Николаем, мы с Алисой разглядели усилившееся напряжение во всём теле, а брат уж и подавно.

– Катался на такой? Volvo 850 R универсал серого цвета, номер В 5606 БС 69, – добавил М. для записи.

– Да.

– А где её взял?

– В прокате.

– Ну давай-давай, рассказывай: где, когда, куда на ней ездил?

– Я что, под следствием? – огрызнулся Костеров, скрестив руки на груди.

М. быстро понял, что перегнул палку.

– Боже упаси, ты чего Коля, мы просто беседуем.

– Ну брал в среду в прокате на седьмой улице, покатался по городу – это запрещено?

– Никак нет. Скажи, ты всю пятницу дома просидел? А чего машину назад не сдал, посуточная же аренда, деньги капают? А ты вроде безработный, недавно вообще штраф большой выплачивал, должно быть туго с финансами?

– Лень было в прокат идти, хотел сегодня сдать.

– Это после того, как два пива в баре выпил?

Николай покраснел, испарина выступила у него над верхней губой, в комнате стало жарко, словно кто-то специально подкрутил термостат.

– А в субботу что делал? – продолжил М.

– Ничего не делал, дома сидел.

– А машина где была?

– На стоянке возле дома стояла.

– То есть на старый асбестовый завод, который от тебя в пятнадцати минутах езды, не катался?

– Нет, зачем мне это?

– Не знаю, ты же любишь покататься, там довольно живописные места. Бывал там?

– Ну бывал, и что? Там все местные бывали.

– А эту девочку знаешь? – М. достал фото пятой жертвы, сделанное в школе.

Тут глаза Костерова округлились, и он дрожащим голосом произнёс:

– Знаю, – М. посмотрел в нашу с Алисой сторону, она прильнула к стеклу и была вся во внимании. – Это ведь её убили?! Вы что меня подозреваете?!

– Так ты её из статей знаешь или лично?

– Лично, – едва вымолвил Николай, начав немного раскачиваться вперёд и назад.

– Слушай, Коля, нам твоя помощь нужна, просто Расскажи всё, что знаешь, – сменил тактику М.

– А что мне рассказывать? Мы жили друг от друга недалеко, видел её пару раз на районе, один раз на тусовке у молодёжного клуба пересекались.

– Красивая девочка, да?

– Ну симпатичная, но я с ней даже не говорил ни разу!

– Не катал её на машинах с проката? Я так понял, для тебя взять машину в прокате – норма.

– Да говорю же, не общался я с ней!

В дверь постучали и в проёме показалась голова сержанта, он попросил М. выйти по срочному вопросу. Брат нехотя оставил Костерова отдышаться. Мы с Алисой вышли следом.

– Есть ещё две прокатные машины на кадрах, связанных с первым и вторым убийствами. И ты охренеешь, кто их брал – уже съездили, подтвердили.

– Ну давай, блядь, не до этого, – нахмурился М.

– Наш Костеров. Чёрный Volkswagen Polo и синий Renault Logan. Брал и возвращал через пару недель.

М. улыбнулся и похлопал меня по плечу:

– В точку, братец, в десятку!

Я покосился на Алису, она не разделяла общего восторга.

– Скажи только, что на кадрах его видно!

– Тут уж не всё коту масленица, – пожал плечами сержант. – В первом случае машина припарковалась в трёх домах от места жительства жертвы за пару дней до убийства, простояла там четыре с лишним часа, никто из неё не выходил и внутрь не садился, кадры расплывчатые – еле номер разглядели, водителя не видно. Затем она уехала, причем в сторону от камеры, в зону, где их нет. Мы, конечно, начали варианты прикидывать, но тех записей уже всё равно не достать, год прошёл.

– А по Логану что? – нетерпеливо спросил М.

– На дороге между офисом, где девочка работала, и парком. Там захолустное местечко, но повезло, для охраны складов камеры развесили. Так вот, жопа Логана из-за трансформаторной будки торчала, передние места вообще не видны. Причем на видео и жертву видно: утром идёт в офис, вечером обратно. Он стоял там ровно за неделю до убийства, больше записей нет.

– Так, я пошёл дальше дожимать, через пять минут заносите распечатки этих кадров с машинами. Работаем.

Мы поспешили вернуться за кулисы этого волнующего представления. Брат зашёл в допросную, стараясь не подавать вида, он предложил подозреваемому стакан воды, тот охотно согласился, словно глоток воды спасёт его от неприятного разговора. М. дождался, пока Костеров утолит жажду, и продолжил:

– Посмотри, пожалуйста, на эти фотографии и скажи, узнаёшь ли кого-то? – М. медленно достал из папки фото девушек ещё при жизни и разложил их перед Николаем.

Дыхание его участилось, он начал ёрзать на стуле, а его руки задрожали.

– Я... я... никого из них не знаю – это ведь они?! Это они?! – дрожащим голосом произнёс Костеров.

– А в таком виде, может быть, так будет привычнее? – М. достал фото, сделанные посмертно, и аккуратно разместил их над другой пятёркой. Запечатлённая жизнь и смерть на расстоянии в несколько сантиметров, на расстоянии вытянутых рук убийцы, на расстоянии чьей-то слабой воли, подчинившейся тёмным фантазиям.

– Я не... ничего не делал! Ничего не знаю! – Николай закричал и спрятал лицо в ладонях.

– Посмотри на них, Коля, посмотри внимательнее! Ты заходил к ним на страницы в соц-сети, они тебе нравились, так ведь? Я тебя понимаю, красивые девчонки, кому такие не понравятся? Ты начинал думать о них, представлял их рядом с собой, мечтал о них, так ведь, Коля? – Костеров начал всхлипывать, продолжая оставаться в убежище своих дрожащих рук. – А потом ты уже не мог спать без мысли о них. Брал эти машины в прокате и начинал следить – это ведь было так легко, они ничего не скрывали, всё есть на открытых страницах сети, найти их было не трудно.

– Я ничего не делал, я не за кем не следил! – вновь закричал Костеров, а затем буквально свалился со стула и пополз в сторону урны, в которую его тут же вырвало.

Дверь открылась и вошёл сержант с документами по машинам.

– А как же чёрный Фольсваген Поло и синий Рено Логан? – М. потряс фото в воздухе. – Ты ведь брал эти машины в прокате, думал, мы не узнаем? Посмотри на это, – брат подошёл к забившемуся в углу комнаты Костерову. – Вот ты сидишь у её дома, – он также прихватил фото девушек, – а эту ты подстерёг после работы, – М. буквально ткнул ему в лицо распечатками.

– Это не я, не я, не я... – повторял парень.

– А кто же? – М. присел на корточки перед Николаем.

– Это он, это всё он!

– Кто он?

– Не знаю, клянусь, я просто хотел немного заработать!

– Будь другом, Коля, расскажи нам уже правду, – сказал М., помогая Костерову подняться и сесть на стул.

– Я всё расскажу, – залепетал Николай. – Я искал подработку в интернете, один товарищ посоветовал порыться в даркнете¹⁵...

– Что за товарищ? Имя? – перебил его М.

– Влад Лисов – играем с ним в Доту¹⁶ иногда.

– И что там в даркнете?

– Я искал по разным объявлениям, но там в основном вирусы писать и рассылать или фейковые страницы делать, но я зарёкся этим заниматься после статьи. Полез в другую степь, а там закладчики в основном, с наркотиками я тоже связываться не хотел – у меня отец сторчался. И вот нашёл одно странное предложение, но с хорошим вознаграждением – машину взять в прокат на пару недель, оставить её в определённом месте, а затем забрать в другом, в каком сообщалось позже. Вот эту машину, – он указал пальцем на фото Фольсвагена. – Я сначала боялся, думал, приеду, а мне мешок на голову и на органы пустят, но решил откликнуться, деньги больно нужны были. Он мне ответил...

– Какой у него был никнейм? – спросил М.

– Saint Scientist, типа святой учёный.

– Я понял, что дальше? – брат делал записи в блокнот.

– Он написал, что есть определённые условия: во-первых, я должен быть один и не должен об этом никому говорить, во-вторых, машина должна быть строго в срок, минута в минуту, без опозданий, в-третьих, её нужно было брать обязательно в указанном прокате. Он перевёл задаток – треть от суммы, я всё выполнил и привёз машину по указанному адресу. Страшно было до усрачки, но там никого не оказалось, и я быстренько свалил.

– Сколько он заплатил? Когда брал машину и где передавал? Нужны подробности.

– Восьмого марта это было, я хорошо запомнил – женский день. Ах да, забыл, ещё одно условие – оплата в биткоинах. Три сотых от битка он в сумме заплатил.

– Это сколько в рублях было?

¹⁵ Скрытая часть интернета, недоступная через обычные поисковые системы.

¹⁶ Многопользовательская командная онлайн-игра.

– Около двух сотен тысяч, трудно было отказаться, лёгкие деньги.
– Не такие уж лёгкие, Коля, – М. кивнул в сторону фото мёртвых девушек. Костеров всё это время избегал смотреть на них, на мгновение опустив взгляд, тут же отвёл.
– Знал бы, отказался, клянусь!
– Верю-верю, продолжай.
– Передавал за городом, у старой заброшенной свинофермы – жопа мира, долго оттуда выбирался.
– Адрес?
– Не помню точно, по Охотному шоссе, на седьмом километре на пригородную дорогу направо, там ещё минут десять ехать и будет эта заброшка.
– Никого там не видел?
– Никого!
– А забирал потом машину там же?
– Нет, тринадцатого марта опять в девять утра у Грачёвского карьера – могу на карте показать, там свалка ещё недалеко.
– Он что-нибудь оставил в машине?
– Нет, мне даже показалось, что там стало чище, чем было, он как будто прибрался.
Наше внимательное наблюдение было прервано открывшейся дверью и грузным телом шефа, появившемся в проёме.
– Так, товарищи учёные и... – он замялся, подбирая слова, – родственники, рабочий день закончен, спасибо за службу, дальше мы сами.
– Извините, но мы бы хотели остаться до конца допроса, – ответила за нас обоих Алиса. Лицо начальника побагровело:
– Если вы ещё желаете быть при делах, не доводите до греха, ваш пропуск могу и отозвать.
Солодов! Проводи наших гостей, – крикнул он в зал. – И не забываем про тайну следствия, дело подсудное, – он отступил, выпуская нас наружу.
Спорить было бесполезно, мы с понурым видом провинившихся школьников вышли прочь. Шеф занял наше место и закрыл дверь. Лейтенант был тут как тут. Алиса наспех сделала копии документов из архива, и нас выпроводили за пределы участка.

* * *

Первое о чём я подумал, оказавшись на улице – это стакан холодного пива и чуть было не предложил Алисе посетить бар, в том числе, чтобы обсудить увиденное. Но она опередила меня словами:

– Я в отель, мне нужно принять душ и отдохнуть, – она действительно выглядела измотанной, впрочем, как и я. Трудно представить, как М. переносил всё это, особенно в последние дни. Вспоминая о его долгах, начинаешь подозревать наркотический допинг, надеюсь, это лишь мои домыслы.

Мы медленно брели по парковке, пока не упёрлись в её красный Saab. Я подбирал какие-то слова, и Ян вновь меня опередила:

– Послушай, то, что было в китайском ресторане, ничего не значит. Тогда я решила – это правильно, но того требовала ситуация, тот момент времени. Извини, что потревожила.

– Всё в порядке, – улыбнулся я, глядя на её встревоженное лицо.

Алиса положила коробку с документами на заднее сиденье и сказала:

– Опять откажешься прокатиться до дома?

– Пройдусь пешком, здесь недалеко.

– Это не он, точно не он.

– Я знаю.

Она села за руль и повернула ключ зажигания, двигатель заурчал, и машина тронулась. Я развернулся и пошёл в сторону дома.

– Эй, А.? – послышалось откуда-то сбоку. Из окна припаркованной на стоянке Тойоты высунулась голова репортёра газеты «Вести С.», того самого, который написал первую статью об этих убийствах. – Ведь это вы, А.? – он вылез из машины и поспешил ко мне. – Д. – штатный репортёр «Вестей С.», криминальная хроника, – он протянул мне руку.

– Я узнал вас, – сказал я, ответив рукопожатием.

– Действительно, ваша жена... – он сочувственно закивал головой.

– Что вы хотели? – у меня не было желания общаться с ним, возможные сценарии этого диалога были один хуже другого.

– Это ведь была доцент кафедры психологии института имени Павлова? Алиса Ян?

– Хорошая осведомлённость.

– Пробовал поговорить с ней вчера, отказалась. Интересная женщина...

– Извините, Д., но мне пора, – я начал уходить.

– Я надеялся на парочку комментариев. Удивительно, что вас сегодня пустили в участок, вы ведь частный детектив, думаю, таких здесь не любят, – он пошёл за мной.

– Домашнее задание, смотрю, сделали. Но статью написали посредственную, простите уж, как есть.

– А я думал, что оказал вам услугу в прошлом, и теперь вы ответите мне взаимностью, – старался не отставать репортёр, несмотря на мой ускорившийся шаг.

– Тайна следствия. Цитируя великих: без комментариев.

– Я бы не стал вас тревожить, если б ваш брат внезапно не отказал мне сегодня, – резко остановившись, сказал Д.

Я обернулся и посмотрел на его довольную физиономию.

– Что с вами стало? Пять лет назад вы не были таким, – сказал я.

– Жизнь стала тяжёлая, кажется, вам это с братом знакомо.

– Вы же не из копеечной газетной зарплаты деньги на взятки выделяете? И явно не за то, чтобы донести правду до народа, так стараетесь?

– Почему же? Это я про второй вопрос, первый посчитаю риторическим. Люди должны всё знать, я лишь придаю немного художественную форму истине, чтобы читатель не заскучал.

– Вы можете помешать следствию, спровоцировать убийцу и нанести моральный урон родственникам, думаю, вы не дурак и прекрасно всё понимаете.

– А могу спасти какой-то девочке жизнь, если она, прочитав статью, положит в сумочку перцовый баллончик или вызовет такси вместо вечерней прогулки по парку. Я уж не говорю о том, что моя статья разворошит это осиное гнездо, – он указал пальцем в сторону участка, – и заставит их шевелиться. Ваш брат бы согласился со мной, а что насчёт вас?

– Мой брат, как и вы, выстроил красивые оправдания истинным мотивам своих поступков. В их основе, как правило, лежат обыкновенные человеческие слабости.

– А я считал вас идеалистом, по крайней мере, таковым вы мне показались в прошлом.

– Вы выложили на стол ещё не все козыри, что дальше? У меня нет желания вступать в пустые философские диспуты, призванные лишь в качестве прелюдии к готовящемуся ультиматуму, который, очевидно, последует.

– Весьма прозорливо с вашей стороны, я пытался всячески этого избежать, но провалился, – он сострадательно улыбнулся. – Мне нужно знать, что там сегодня происходило, иначе мой прошлый информатор всплывёт.

– Разве в газетах нет чего-то вроде кодекса, в один из пунктов которого входит: не сливать своих информаторов?

– А говорите, что не хотите подискутировать, – Д. был чрезвычайно доволен собой. – Предлагаю скрыться с глаз долой от окон участка и встретиться...

– Английский паб на улице Кучерова, знаете? – вставил я.

– Отличный выбор, буду ждать вас там, – подмигнул он мне и вернулся к машине.

Я пошёл в сторону бара. М. попался на несколько крючков сразу, что ж, придётся прикрыть ему спину, пока он допрашивает ценного свидетеля. Я искренне надеялся, что парень останется лишь свидетелем в глазах следствия, а не станет основным подозреваемым. Мне доводилось встречать патологических лжецов: они выдумывали чрезвычайно сложные истории на ходу, выглядели максимально искренними, как будто сами верили своим словам, возможно, так и было. А ещё в жизни встречаются психопаты, которые идеально копируют эмоции людей, они, как правило, искусные лжецы. Но не такой образ Х. рисовался в моём воображении всю эту неделю, не такой портрет нарисовала словами Алиса Ян. Благо представители закона не полагаются лишь на интуицию и магию психоанализа, в любой длинной истории есть множество фактов, которые будут подвергнуты строгой проверке.

По дороге я написал брату сообщение с просьбой связаться со мной, как только будет такая возможность. Очень хотелось пройти мимо бара, особенно учитывая, что засранец Д. мог блефовать. Не в том, что М. сливал информацию ему, а в том, что сдаст его начальству, например, упомянув в статье в качестве источника. В воскресенье здесь было чуть меньше народа, чем вчера. У входа я повстречал знакомые лица – местных ребят, они поздоровались, и один из них сказал:

– Слышал? Г.П. нашли мёртвым в подворотне, зарезали говорят.

– Нет, – я вспомнил его счастливое блаженное лицо после глотка пива. – Обстоятельства прояснились?

– Хрен его знает, жалко чудака, он ведь вчера тут был, наугощался и домой пошёл.

– Ему тут идти-то десять минут, – сказал второй мужик.

– Говорят, квартиру его открыли менты, а там треш: горы бумаг до потолка, стены обклеены чёрт-те чем, полный дурдом.

– Жаль его, очень жаль... – сказал я и зашёл в бар.

Кому мог понадобиться безобидный старик – зло таилось за каждым углом. Войдя внутрь, я осознал, что совершил ошибку, предложив это место. Тяжесть дня была усилена грустью от безжалостного убийства Г.П., нагромождение алкоголя и грустная песня Джеймса Янга¹⁷ в память о погибшем, толкали меня в пропасть стакана.

Д. был уже тут как тут, сидел за тем самым столиком, где мы недавно выпивали со стариком.

– Угостить тебя? – спросил он, пока я усаживался.

– Нет, – процедил я сквозь зубы. – Задавай свои вопросы.

Мы просидели около часа, я потягивал газировку и старался не сболтнуть лишнего, опуская имена и прочие детали. Я понимал, что пока мы сидим здесь, шеф М. успешно докладывает всё наверх, это оперативно упаковывается в красивую обёртку и будет подано на вечернем выступлении начальника полиции С. Они обязательно расскажут про прорыв в деле – им нужно затушить разгорающийся пожар. Я подбирал слова так, чтобы они никак не смогли послужить новым топливом для огня, и вообще, едва ли дополняли рассказ, который вот-вот состоится на телевидении. Д. это понимал, пытался расставлять мне ловушки и, в конечном итоге, остался недоволен.

– Завтра я бы хотел получить копии материалов дела, у тебя же ещё остался допуск в участок?

– Нет, шеф выставил меня с концами, – попытался соврать я.

¹⁷ Настоящее имя – Джеймс Макфарланд. Американский певец, автор песен и музыкант. Работает в жанрах альтернативный рок, инди-поп, электроника.

– Значит, найди способ вернуться или объясни своему брату, что нужно брать трубку, когда звонят.

– Меня тоже это бесит...

– Этого пока хватит, но дальше нужно что-то посочнее, – вставая из-за стола, сказал Д.

– А мне не заплатишь?

– И не надейся.

«А деньги бы сейчасгодились», – подумал я. На счету оставалось от силы на месяц, а дальше ещё ждали платежи по кредиту. Я поужинал в пабе и вышел на улицу. В кармане зажужжал телефон.

– Ну как там Костеров? – спросил я.

– Назвал ещё две арендованные машины, больше говорит не было. Оставляем на ночь, ребята ещё с ним работают. Извиняюсь за Викторовича, он ретроград, но это его царство.

– Что насчёт завтра? Мне, да и Алисе, нужно ознакомиться с той частью допроса, что мы пропустили.

– Теперь будет много оперативной работы, проверяем слова Костерова, не думаю, что есть необходимость...

– Ты обещал, мы пожали друг другу руки.

– Я тебе благодарен за всё, но этого барана не переубедить. Алису ещё пустит, она всё-таки по официальному направлению работает.

– Тогда поделишься сведениями по старинке.

– Идёт, но не сейчас. Я с суток домой, шеф отпустил, надо выспаться, а то кони двину.

– Ты веришь парню?

– Верю, но проверю, как говорится.

– Он ведь не вернул ему последнюю машину, вы не думали...

– Сразу об этом подумали, Викторович одобрил. Ребята уже поехали по указанному адресу, завтра в девять утра Костеров должен был бы её забрать. Но, если он тебя видел на заводе, плюс вся эта шумиха в прессе – скорее всего, утопит тачку или ещё где спрячет.

– Пожалуй, но можно дальше будет разыграть историю через даркнет: написать ему от имени Николая, что дескать машину по адресу не нашёл.

– Отличная идея. Ну ладно, пора и для себя немного пожить, заеду за цветами для Саши. Хорошего вечера, брат.

– И тебе, – я повесил трубку, решив, что говорить ему о наезде репортера, не имеет смысла.

Меня ждал одинокий воскресный вечер, прохлада пустой квартиры, умирающий папоротник и очередной старый фильм, который я уже скорее всего смотрел. Больше тысячи подобных ночей я прожил, зачастую заливаясь из бутылки, и лишь изредка встречаясь с проститутками, чтобы ощутить себя мужчиной. Одну из них звали Л., я решил видаться только с ней. Я повстречал её почти три года назад в баре, она угостила меня выпивкой и оказалась интересным собеседником. Мы встречались редко, но это длилось почти год, ровно до тех пор, пока она не сказала, что хочет завязать и думает, что влюблена в меня. Не то чтобы был бессердечным ублюдком или брезговал заводить отношения с проституткой, но я не мог ответить ей взаимностью. Я думал об О., представляя себе наш разговор. «Тебе это нужно, я не осуждаю», – говорила она. Но в тот момент, когда Л. произнесла свои заветные слова, я ощутил горечь О. по ту или иную сторону жизни и смерти, её любовь в моей душе открылась свежей раной. С тех пор я не посещал одной и той же женщины дважды.

Не успел я дойти до дома, как получил неожиданное сообщение от Саши: «Привет. Извини, что пишу тебе, но я не знаю, что делать. М. сказал, что опять работает и не придёт сегодня домой, но жена его коллеги написала, что начальство отпустило её мужа и М. домой после отработанных суток. Я не понимаю, почему он мне врёт, у него появилась любовница?

Я знаю, что ты скорее всего не ответишь, всё это не твоё дело, и я должна позвонить ему и сказать, что знаю. Но рука не поднимается. Может быть, есть ещё какая-то причина?». «Надеюсь, он просто хочет сделать ей сюрприз и вот-вот заявится с цветами в руках», – подумал я. «Тебе действительно лучше обсудить всё на чистоту с М.», – написал я в ответ. Неужели у него хватит сил на любовницу? Он либо нюхает порошок, либо у него есть другая веская причина лгать своей девушке и мне заодно – история с двумя миллионами вспыхнула в мыслях.

И тут меня осенило, приложение «Локатор» на наших с ним телефонах. После пропажи О. мы решили установить себе эту программу для отслеживания местоположения друг друга, особенно учитывая специфику наших работ. Хотя мы и не пользовались им очень давно, я испытал удачу и запустил приложение. Загрузилась карта с отметкой и список из одного имени под ней: «М., город С., расстояние 5,45 км». Метка быстро перемещалась по карте – он ехал на машине. Вскоре она остановилась возле престижного ресторана и банкетного зала «Олимпия». Я вызвал такси, нужно было выяснить, что происходит.

* * *

Через десять минут я был около «Олимпии», здесь находился отель и улица с бутиками и элитными ресторанчиками. Здание банкетного зала светилось золотыми огнями, перед ним раскинулся небольшой сад с живыми изгородями и каскадом фонтанов. Парковщики отгоняли дорогие автомобили на охраняемую территорию – народ прибывал на какое-то мероприятие. «Локатор» указывал на то, что М. где-то внутри. У стеклянных дверей стояло двое охранников и метрдотель. Гости мужчины были в дорогих костюмах, а сопровождающие их женщины в вечерних платьях, на входе они демонстрировали что-то похожее на билеты. Причем у некоторых они были золотые, у других – серебряные. Я притворился дурачком и пошёл напрямик, но меня вежливо остановили.

– Здравствуйте, можно Ваш билет, пожалуйста, – сказал метрдотель.

– Билет? Не думал, что его нужно брать с собой, – расплылся в улыбке я.

– Извините, сэр, но вход на мероприятие строго по билетам. Но уверен, вы успеете вернуться за ним, начало только через сорок минут, – он улыбнулся и сложил ладони вместе возле груди.

В отличие от него охрана косо на меня смотрела, я выделялся в своих джинсах и сером коротком плаще нараспашку поверх джемпера.

– Я, видимо, ошибся адресом, не здесь проходит сбор средств на лечение рака?

– Нет, сэр, здесь другое закрытое мероприятие.

– Что ж, наверное, в соседнем здании, – пожал плечами я.

– Наверное, – продолжал снисходительно улыбаться портье. – Всего хорошего, сэр.

Я прошёл мимо горящих фонтанов и вернулся на дорогу, где только что припарковался Mercedes Maybach GLS 600. Оттуда вылез невысокого роста молодой парень с дредами и татуировками на лице. Он отдал ключи одному парковщику, пока другой открывал дверь для его спутницы. Темнокожая девушка была затянута в короткое блестящее платье, подчёркивающее её фигуру.

– Приветствую, друг, – сказал я. – Подскажи, что здесь сегодня такое? А то я хотел поужинать в своём любимом ресторане.

Парень обнял свою девушку за талию, смерил меня взглядом, он был явно навеселе.

– Большая игра, брат, сегодня мы будем забирать лавэ! – широко улыбаясь зубами с брекетами инкрустированными камушками похожими на бриллианты, ответил он и подмигнул мне.

– Сколько же стоит зайти-поиграть?

– Два ляма – минимальный вход на стол, брат.

– Ничего себе! Что ж, удачи тебе, брат.

Они направились в сторону входа, я не удержался и проследил взглядом за красивыми движениями бёдер девушки.

«Ну и мудака же ты, М.» – подумал я. Нужно было как-то попасть внутрь, гневный звонок с угрозами едва ли возымел бы эффект, и, кроме того, судя по «Локатору» телефон замер где-то сразу за дверьми, скорее всего, с трубками внутрь было нельзя. Я обошёл здание вокруг: все окна были плотно занавешены – известные личности, сильные мира сего, желали приватности. В подворотне имелся задний выход, туда выносили отходы с кухни и прочий мусор. Но калитка была закрыта на электронный замок, к тому же по периметру были развешены камеры. Остановись я там дольше, чем на десять секунд, охрана за мониторами обратила бы внимание.

Я прошёл дальше: выход в этот же закрытый переулок имело соседнее здание. В нём расположился итальянский «ресторан с белыми скатертями» – так мы обычно с О. в шутку называли дорогие элитные заведения, куда вряд ли когда-то зайдём. Повезло, внутри были свободные места, отобрали плащ и усадили по моей же просьбе за дальний столик у туалета. Я бегло изучил меню и заказал карбонару с белым Шардоне по совету официанта. Затем я встал и пошёл в уборную. Коридор продолжался проходом в служебные помещения и кухню. В хорошем ресторане мусор не носят через кухню, значит, примерно за дверью с надписью: «Для служебного пользования» находился запасной выход. Я дёрнул ручку и оказался в небольшом коридоре с дверьми по бокам, в конце которого был выход во двор. Там, кажется, не было камер наблюдения. Буквально перепрыгнув узкий проулок, я оказался у металлической двери запасного выхода «Олимпии». Внутри был похожий технический коридор, безопасность мероприятия очевидно страдала, но теперь за каждой из дверей меня мог ждать охранник, камера или обслуживающий персонал.

Уровень адреналина в крови поднялся, чувствовал, как сердце ускоряет темп. Приходилось соображать очень быстро и в большей степени полагаться на интуицию и удачу. Я открыл одну из боковых дверей «Для персонала», там оказались скамьи и шкафчики, как в раздевалке спортзала. Большинство шкафчиков было закрыто, но в паре замочных скважинах торчали ключи. В них была форма обслуги, один из комплектов оказался мужским: белая рубашка, передник, чёрные брюки, лакированные ботинки и даже бабочка. Я быстро переоделся, униформа оказалась на размер меньше моего: ботинки немного жали, а рубашка села в натяг. Что дальше? Скорее всего, персонал знает друг друга в лицо, и мой бейджик с именем Константин не спасёт от раскрытия. Воспользоваться шумихой и общей суетой, быстро отыскать М. и утащить его в туалет на разборки? Пожалуй, деньги это мне не вернёт, билет уже куплен. Но, с другой стороны, организация и заведение весьма солидные, может, ему позволят выйти из-за игрового стола в самом начале под каким-то веским предлогом. Я услышал шаги в коридоре, на скамье кто-то заботливо оставил пакет, моя одежда с трудом, но поместилась внутрь – решил, что лучше прихватить её с собой.

– Приём, ш-ш-ш, – послышалось шипение рации за дверью. – Опять эти идиоты оставили дверь открытой.

– Ш-ш-ш, приём, – послышалось в ответ. – Стой у заднего входа и, если кто из персонала выходит покурить или вынести мусор, следи, чтобы дверь была закрыта.

– Принято, – ответил охранник на приказ начальства.

Я прильнул к двери и прислушался. Охранник потоптался немного в коридоре, а затем вышел на улицу, скорее всего он сам был не прочь выкурить сигаретку. Я воспользовался моментом и покинул своё убежище. Глубоко вздохнув, повернул дверную ручку и оказался в широком коридоре, соединяющем кухню и большой банкетный зал, откуда доносились звуки живой музыки и голоса гостей. По коридору быстрым шагом перемещались туда-сюда официанты, они разносили подносы с канапе и бокалами шампанского. У входа в основной зал стоял охранник и о чём-то спорил с ещё одним метрдотелем. Здесь же, в коридоре, стояли двухъярусные тележки с белыми скатертями, на них развозили тарелки с закусками, а назад

забирали грязную посуду. Я взял одну, бросил мешок с одеждой на нижнюю полку и прикрыл его скатертью. Опустив голову, пристроился за официантом, который следовал в зал.

– ...вы всё-таки не понимаете, у нас особый подход к обслуживанию гостей, – говорил метрдотель бородатому великану. – Ваши требования ограничивают нас, стесняют в движениях!

Охранник молча смотрел на собеседника, ему было всё равно. Я проскользнул мимо и оказался в банкетном зале – это было огромное просторное помещение: потолок, украшенный панно с изображением греческих богов, расположившихся на облаках, подпирали массивные колонны с различными узорами и барельефами. Посередине зала висела гигантская люстра, излучающая тёплый золотистый свет. Столы, словно из мрамора, стилизованные под плиты с ножками в виде маленьких колонн, расположили по бокам. Они были завалены различными закусками: сырными ассорти, брускеттами с мясными деликатесами и ломтиками рыбы, оливками всех возможных сортов. Несколько отдельных столов были посвящены исключительно сладостям, фруктам и ягодам, над всем этим возвышался многоэтажный шоколадный фонтан. И везде был раскидан виноград и вино, Дионис благословил это место – красное и белое лились рекой.

Между сотней гостей сновали официанты с подносами, которые быстро опустошались. На противоположной стороне зала была сцена с аркой, сатирами и нимфами из искусственного мрамора, прятавшимися за настоящими деревьями и кустами – зал утопал в зелени. Музыканты в туниках играли на арфе и флейтах. Под люстрой были установлены четыре больших овальных покерных стола с зеленым размеченным сукном – здесь они выглядели не слишком уместно. Кто-то из гостей уже сидел за столом с выданным набором фишек, дилеры в чёрных жилетах и белоснежных рубашках с бабочками тасовали карты. Столы были рассчитаны на девять игроков – всего тридцать шесть участников с золотыми билетами, остальные были просто зрителями с серебряными.

«Как М. умудрился попасть сюда?», – проскочило в голове, пока я пытался отыскать его взглядом, спрятавшись за одной из колонн и делая вид, что ковыряюсь в тележке. Охраны было много: их нарядили в элегантные чёрные костюмы, расположив по периметру, ещё парочка прохаживалась вокруг игровой зоны. В ожидании начала большинство гостей угощались закусками и вином, либо тем, что наливали в баре. Я, наконец, разглядел брата: он был в компании высокой блондинки в обтягивающем чёрном платье в пол. Здесь было много девушек модельной внешности: шикарные платья, высокие каблуки, прически на любой вкус – это походило на дорогостоящий эскорт, призванный развлечь гостей.

– Эй, ты чего там возишься, – раздалось за спиной. – Нечего тут отсвечивать, быстро забрал грязную посуду и скрылся.

– Да, сэр, – не поворачиваясь, ответил я и покатил тележку вперёд, там как раз был стол с очередными закусками и виднелось несколько опустевших тарелок.

Пока я собирал тарелки и пустые бокалы и поглядывал в сторону М., блондинка отвела его под руку за игровой стол. Он когда-то успел приодеться: хороший костюм тройка, похоже прокатный. Но за красивой одеждой и напускной уверенностью ощущалось сильное напряжение. Не знаю, видели ли остальные, но он был не в своей тарелке. Вокруг же всё сияло. Народ прибывал, кто-то оставлял своих личных охранников в баре, присоединяясь к будущим оппонентам по покеру, кто-то оставался в стороне, перешёптываясь, обсуждая окружающих. А здесь было что обсудить: братья Смирновы – криминальные авторитеты, известный актёр и блогер, бывшая звезда центрального городского футбольного клуба, реп исполнитель, которого я повстречал у входа, кто-то из золотой молодёжи – дети промышленных и газетных магнатов. Официально карточные игры на деньги были запрещены законом, они допускались только в специально отведенных местах – недавно построенных городах вроде мини Лас-Вегасов. И, как бы определённое, в основном криминальное, лобби ни старалось, им пока что не удалось

протащить законопроект о легализации подобных сборищ. Я был уверен, что шестой полицейский участок, на территории которого находилась «Олимпия», крышевал это мероприятие.

Музыка стихла, и на сцену поднялся высокий статный мужчина во фраке. Он взял микрофон и произнёс:

– Дорогие гости, добро пожаловать в «Олимпию», рад приветствовать Вас на девятом ежегодном покерном турнире, или как мы его называем «Олимпийские игры по покеру»! – раздались жидкие аплодисменты. – Не будем долго затягивать, прошу участников турнира занять свои места за игровыми столами. Напомню правила: игра идёт до одного победителя, если кто-то из участников хочет досрочно покинуть турнир, то он должен заплатить за это половину своего банка – эта сумма будет добавлена к выигрышу. При необходимости, каждый игрок может взять паузу и выйти из-за игрового стола, но при этом на него будут раздаваться карты, и он в свою очередь заплатит блайнды¹⁸. Всего участвует тридцать шесть человек, когда участников останется восемнадцать, разрешается докупить фишки в количестве не более четырех миллионов рублей, в следующем раунде, когда останется один игровой стол из девяти игроков, разрешается докупить фишки на сумму не более восьми миллионов рублей.

Действовать нужно было немедленно. Я откатил свою тележку за фонтан с кем-то вроде Посейдона, окруженного крылатыми лошадьми, вырывающимися из воды, и взял свободный поднос. Выставив на него несколько бокалов с шампанским, которые умыкнул со стола с закусками, решительно двинулся в центр зала. Я аккуратно лавировал между публикой – кто-то взял у меня с подноса бокал. До цели оставалось пару шагов... М. пытался отпускать нервные шуточки, вступив в диалог с молодым человеком приятной наружности, который сидел напротив него.

– Шампанское, сэр? – я встал у брата за спиной, немного нагнувшись к нему.

– Нет, спасибо, – отмахнулся он, не оборачиваясь.

– Нет, уж, возьми, – шепнул я.

– Что? – он повернулся и обомлел.

– Бери шампанское и выходи из-за стола.

Он был обескуражен, не найдя слов, молча встал, взял бокал и последовал за мной. Я направился назад к фонтану, за ним как раз располагались туалеты для гостей. Как только мы отошли от остальных на несколько метров, М. заговорил:

– Какого ты тут делаешь?!

– Не здесь, я иду в туалет, и ты со мной.

Я прихватил свои вещи и зашёл в роскошную мужскую уборную: даже здесь они умудрились сделать фрески с греческими мотивами и повесить множество зеркал с позолоченным обрамлением, ну и конечно, не забыли про колонны, куда ж без них.

Какой-то тучный мужчина мыл руки и недовольно посмотрел в мою сторону, очевидно, для прислуги полагалось отдельное место где-нибудь в подсобных помещениях.

– Извините, замена туалетных принадлежностей, – сказал я.

М. зашёл следом, мы дождались, пока не останемся одни, и я заговорил:

– Опущу заслуженные оскорбления, сразу к делу – ты должен немедленно выйти из этого турнира и забрать деньги.

– Ты сошёл с ума! Ты же слышал распорядителя – отдадут только половину.

– Игра ещё не началась.

– Она начнётся с минуты на минуту. Как только я купил билет, назад дороги не было.

– Хорошо, забирай миллион и уходим.

– Я не буду этого делать. Такой шанс даётся раз в жизни, я чувствую, что выиграю.

¹⁸ Это вынужденная ставка, которую игроки делают вслепую до раздачи карт.

– Даже если ты продержишься какое-то время, – я знал, что он умел играть в покер и частенько делал это онлайн, – то не сможешь остановиться, пока всё не проиграешь.

– Ты не понимаешь, всё что там происходит, – он указал в сторону выхода, – это мечта. Я устал разгребать дерьмо и нашёл способ вырваться. Мне просто не повезло, на прошлой неделе я всех обыграл, если бы мне не пришли эти два короля в финальной раздаче, – он гневно сжал кулаки, – я бы не пошёл ва-банк и забрал четыре миллиона с лишним, понимаешь? Мне бы тогда не пришлось брать у тебя в долг.

– Ты себя слышишь? Ты морально разлагаешься и уже дошёл до того, что вредишь не только себе, но и близким. Это нужно прекращать, ты в шаге от пропасти.

– Я уже сделал этот шаг, брат.

Дверь открылась и вошёл высокий пожилой мужчина. М. воспользовался этой паузой и, отрицательно покачав головой, вышел. Я остался стоять с пакетом в руках и идиотским видом. Меня накрыло чувство беспомощности, как будто меня связали и заставили смотреть, как дорогой мне человек тонет. Вонючий тошнотворный кляп заткнул рот, а если бы его и вытащили, что я мог сказать? Хотелось как можно скорее уйти прочь, но что-то удерживало меня. Вдруг удастся остановить его в какой-то момент, если, конечно, он не вылетит ещё в первом раунде. Я заперся в кабинке и переоделся в свою одежду, насколько успел разглядеть публику – не все придерживались строгого дресс-кода, хотя и большинство. Притвориться одним из гостей было проще, чем оставаться в роли официанта. Засунув пакет с формой официанта в вентиляционное отверстие, я вернулся в зал.

Там как раз было объявлено о старте игры, дилеры зашуршали картами, зрители обступили столы, держась на допустимом расстоянии. Вместо древнегреческой пародии на сцене завёл свой ненавязчивым сет диджей. Хорошо бы раздобыть где-то серебряный билет на случай, если у кого-то вызовет подозрение мой внешний вид, но я зря опасался – никто не обращал на меня внимания. Бесплатный безлимитный бар с красивыми девушками манил к себе отблесками виски в кусочках льда и в стекле стакана, облегчением от тяжелых дум. Где-то разгуливал убийца, пока ведущий следователь, по совместительству мой брат, проигрывал остатки наших денег. Я попросил двойной шотландский, восемнадцатилетний.

* * *

Девушки не торопились одарить меня вниманием, видимо, не срабатывал интуитивный детектор обеспеченных персон, оставалось довольствоваться компанией бугая под два метра ростом в строгом чёрном костюме. Он внимательно следил за кем-то из игроков, пытаясь уловить очертания заказчика сквозь плотное кольцо зрителей. Беднягу оставили в баре, словно сдали большой чемодан в багаж.

– Тоже здесь с сыном? – от напавшей на меня тоски, спросил я. Но страж лишь покосился в мою сторону и, нахмурившись, мысленно отмахнулся, как от надоедливой мухи. – Так пристально следите, вот я и подумал, – шутка явно не удалась.

Из центра последовали первые вздохи разочарования или радости, зрители болели за своих спутников и знакомых, а неопределившиеся просто восклицали неожиданным карточным раздачам. За одним из столов сидел Смирнов-младший – легализовавшийся бандит, это заведение принадлежало их семье. Вокруг него собралась большая группа поддержки – целая куча томов уголовных дел, которые при желании можно было завести. И с этими ребятами М. хотел сравняться? В эту среду влиться? Моё разочарование им уже давно переполнило чашу и лилось через край.

От грустных мыслей отвлёк невысокого роста лысоватый мужичок в голубом пиджаке. Он взял Лонг Айленд в баре, попросив налить побольше водки, и, с трудом пристроившись на высоком табурете, выкатив пузо вперёд, заговорил со мной:

– Прекрасное место и прекрасные люди, не находите?

- Отнюдь, – скривил лицо я.
- Грешно, конечно, но Бог милостив, азарт – ловушка дьявола, вы не играете?
- Нет, а вы?
- Хех, – усмехнулся мужик, отпивая коктейль большими глотками. – Раньше играл, да ещё как, с остервенением, отдавал всю душу, вернее продавал, а там, где торговля, там всегда дьявол.
- Дайте угадаю, но затем вы узрели Бога, и он показал вам истинный путь?
- Вы совершенно правы! – в восторге воскликнул толстяк.
- И что же вы тут делаете с Лонг Айлендом на двоих? – усмехнулся я.
- А, это, – он отвёл стакан в сторону и посмотрел на него, – это всё дары, как завещал Исайя: «Все они из Савы придут, принесут золото и ладан и возвестят славу Господа».
- И вы, стало быть, славите?
- Славлю! И вы славите, просто сами этого не знаете.
- Отдам вам должное, ума не приложу, что здесь делает человек вроде вас?
- Я пришёл сюда принять дары во славу Господа!
- И про себя не забыли...
- Я слуга его, слуга веры. Мне кажется, вам, как никому другому, нужна вера.
- Дары принимаете наличными или можно банковским переводом?
- Бог любит вас, – он расплылся в улыбке. – Дары принимаем в любом виде, как душе угодно.
- И как же называется ваша церковь?
- Церковь свидетелей шестого дня.
- На шестой день Бог создал человека.
- Именно. Мы славим его творение, славим нас самих, высший гуманизм, если угодно!
- Восхитительно, – мне было пора пополнить бокал.
- Вот, взгляните, – он достал из внутреннего кармана цветную брошюру. – Посмотрите на нашу паству: какие прекрасные светлые люди, какие милые дети. Их души неустанно трудятся, верят в создателя, в человека, в церковь, – он передал мне буклет с общей фотографией паствы вокруг священника на фоне серого бетонного здания церкви в современном стиле. – Полистайте, посмотрите на эту красоту, – ещё несколько страниц в пейзажах короткостриженной травы и деревьев, счастливые семьи с детьми, а дальше просто дети по одному, девочки и мальчики разных возрастов. – Мы всегда готовы принять нового члена в нашу паству. Если вам понравилось, в буклете есть телефон, позвоните, – я посмотрел ему в глаза, но за немного глуповатым выражением лица трудно было что-то разглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.